

Библиотека
06(47.9)
З-32 к.22.85
ЗКУ

ЗАПИСКИ

КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА
ИМПЕРАТОРСКОГО
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.
Книжка XXII, выпускъ 5-й.

Н. Я. Динникъ.

ВЕРХОВЬЯ МАЛОЙ ЛАБЫ И МЗЫМТЫ.

01076

ТИФЛИСЪ.
Типографія К. П. Козловскаго. Головин. просп., № 12.
1902.

ЗАПИСКИ
КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.
Книжка XXII, выпускъ 5-й.

Н. Я. Динникъ.

06 (47.9)
3-39 к. 22.85

47393
ВЕРХОВЬЯ
МАЛОЙ ЛАБЫ
и
МЗЫМТЫ.

Записано в инвентарной книге
на стр. 229 пол. № 6625/02

ТИФЛИСЪ.
Типографія К. П. Козловскаго, Головин. просп., № 12.
1902.

Печатано по распоряжению Распорядительного Комитета Кавказского
Отдела Императорского Русского Географического Общества.

о приведении в порядок альбома, и что оно не включено в альбом. Альбомы, имеющиеся в музее, не поддаются изучению из-за отсутствия времени. Видимо, это связано с тем, что альбомы не являются самостоятельными источниками информации. Альбомы, имеющиеся в музее, не поддаются изучению из-за отсутствия времени. Видимо, это связано с тем, что альбомы не являются самостоятельными источниками информации.

Верховья Малой Лабы и Мзымы.

Изучение верховьев Малой Лабы и Мзымы было начато в 1898 г. в ходе экспедиции А. С. Щукина.

Некоторые места по верхнему течению Малой Лабы были посещены мною несколько лет тому назад и описаны в статье «Кубанская область въ верховьяхъ рѣкъ Уруштена и Бѣлой» *); но вся местность отъ самыхъ истоковъ Малой Лабы и до впаденія въ нее Умпрыя, кромѣ того долины и ущелья всѣхъ верхнихъ притоковъ М. Лабы и, наконецъ, перевала Аишхо были мнѣ совершенно неизвестны. За послѣднія лѣта 30 ихъ не посѣтилъ ни одинъ изъ путешественниковъ. По сосѣдству съ этими мѣстами были въ 1899 г. Н. А. Бушъ и Н. Щукинъ, командированные Имп. Русск. Геогр. Общ. и совѣтомъ Юрьевского Университета для изслѣдованія ледниковъ западнаго Кавказа и растительности Кубанскихъ горъ; но Н. Бушъ, слѣдя вверхъ по долинѣ М. Лабы, на пути къ перевалу встрѣтилъ затрудненія, которыхъ не легко было преодолѣть, и потому не доехалъ до истоковъ М. Лабы и перевала Аишхо. Попытки его и Н. Щукина пробраться къ этимъ мѣстамъ съ юга, со стороны долины Мзымы, также не увенчались успѣхомъ, потому что имъ не удалось спуститься съ перевала Псеашхо въ долину Мзымы, съ которой можно было подняться на перевалъ Аишхо и затѣмъ уже попасть къ верховьямъ М. Лабы. Я въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе и не только благополучно добрался съ юга до самыхъ истоковъ М. Лабы, но и прошелъ взадъ и впередъ черезъ оба перевала. Такимъ образомъ, мнѣ удалось осмотрѣть и таинственные истоки Малой Лабы.

Настоящее путешествіе мое съ обычными трудностями и невзгодами началось со станицы Псебайской, откуда мною было предпринято нѣсколько поездокъ въ разныя стороны; но, прежде чѣмъ описывать ихъ, скажу нѣсколько словъ о Псебай и о природѣ окружающихъ его мѣстъ.

*.) Записки Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XIX, 1898 г.

Псебайская станица, или, какъ обыкновенно называютъ ее, Псебай, расположена на лѣвомъ берегу М. Лабы при впаденіи въ нее р. Псебая. Недалеко отъ станицы по обѣимъ сторонамъ М. Лабы возвышаются двѣ горы—Герпегемъ и Милагуртъ. Онѣ принадлежать къ хребту Черныхъ горъ, который тянется параллельно Главной Кавказской цѣли верстахъ въ 50 отъ нея. Въ геологическомъ смыслѣ Черныя горы моложе Главнаго хребта. Онѣ поднялись со дна моря, какъ известно, въ мѣловой періодѣ, тогда какъ большая часть Главнаго Кавказскаго хребта—въ предшествовавшій мѣловому юрскому періоду. Черныя горы состоятъ исключительно изъ известняковъ, образующихъ здѣсь толщи, какъ видно на нѣкоторыхъ обнаженіяхъ, въ десятки сажень. Длинный барьеръ такихъ желтовато-блѣлыхъ известковыхъ скалъ тянется вдоль лѣвой стороны долины М. Лабы на сѣверо-западъ отъ Псебая. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Воровской балкѣ (верстахъ въ 4 ниже Псебая), эти скалы образуютъ красивые выступы въ видѣ столбовъ, колоннъ и обелисковъ. Всѣ онѣ состоятъ изъ углекислой извести и содержать довольно много остатковъ морскихъ слизняковъ. Во многихъ мѣстахъ эти известняки переходятъ на верху въ алебастръ, который образуетъ здѣсь богатыя залежи, простирающіяся на нѣсколько верстъ въ меридиональномъ и широтномъ направленіяхъ. Часто онъ выступаетъ на поверхность земли не только на кручахъ и откосахъ, но и на мѣстахъ болѣе или менѣе ровныхъ. Здѣсь существуютъ и алебастроvыя ломки, на которыхъ добывается очень блѣлый алебастръ; его везутъ отсюда въ Лабинскую станицу, главный торговый пунктъ этой части Кубанской области, и во многія другія мѣста. Въ известковыхъ толщахъ здѣшнихъ горъ находится много длинныхъ глубокихъ пещеръ со сталактитами и сталагмитами внутри.

Чтобы постепенно привыкнуть себя къ хожденію по горамъ, мы рѣшили прежде всего отправиться на Герпегемъ, поднимающійся тысячи на двѣ футовъ надъ Псебаемъ. Болѣе или менѣе плоская вершина его покрыта лугами, на которыхъ попадается много чисто альпийскихъ травъ. Здѣсь-же растутъ рододендроны (*Azalea Pontica*) и отдѣльные небольшіе кустики папоротника-орляка (*Pteris aquilina*), который верстахъ въ 50 къ западу отъ Псебая въ долинѣ Курджипса и Пшехи, а также по черноморскому побережью образуетъ сплошныя высокія заросли. Въ этихъ болѣе влажныхъ мѣстахъ человѣку приходится вести упорную борьбу съ орлякомъ, которымъ застаютъ хлѣбныя и картофель-

ныя поля, сѣнокосныя мѣста и т. д.; въ окрестностяхъ-же Псебая онъ встрѣчается болѣе или менѣе рѣдко и нигдѣ не образуетъ сплошныхъ зарослей. По склонамъ Герпегема, въ особенности западнымъ и сѣвернымъ, растутъ лиственные лѣса, состоящи главнымъ образомъ изъ дуба и бука.

Псебай расположень на высотѣ 2145 фут. надъ уровнемъ моря, отличается здоровымъ климатомъ и могъ-бы служить прекраснымъ курортомъ. Правда, въ маѣ и июнѣ здѣсь, какъ и вообще въ предгорьяхъ Кубанской и Терской областей, идутъ очень частыя дожди, но зато осень отличается чудной погодой, а зима очень тепла и совсѣмъ малоснѣжна *). Двойныхъ рамъ здѣсь почти не дѣлаютъ, а въ декабрѣ и январѣ можно иногда ходить въ лѣтнемъ пальто. Полнѣйшая тишина часто стоитъ на Псебаѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Къ недостаткамъ псебайского климата надо отнести довольно частыя градовые бури, отъ которыхъ сильно страдаютъ хлѣбныя поля и травы. Псебай былъ когда-то штабъ-квартирою Севастопольского полка и представлялъ тогда очень оживленное и веселое мѣстечко. Теперь онъ сильно запустѣлъ, а большая часть построекъ, принадлежавшихъ полку, превратилась въ развалины. Единственнымъ украшеніемъ Псебая служить въ настоящее время новый красивый большой домъ—контора Кубанской Охоты Великаго Князя Сергія Михайловича.

Въ зоологическомъ отношеніи Псебай интересенъ какъ пунктъ, съ котораго въ долинѣ Лабы начинается уже горная фауна Кавказа и въ окрестностяхъ котораго она сталкивается съ фауной равнинъ и степей. Къ чисто горнымъ формамъ изъ водящихъ здѣсь птицъ принадлежать горная куропатка (*Perdix Chukar Gray*), живущая на склонахъ Герпегема вблизи Псебая, горная плиска (*Calobates sulphurea Bechst.*), оляпка или водяной дроздъ, а изъ млекопитающихъ—серны, которая, несмотря на упорное преслѣдованіе псебайскими охотниками, убивающими каждую зиму нѣсколько штукъ ихъ, до сихъ поръ продолжаютъ держаться въ небольшомъ количествѣ на склонахъ Герпегема недалеко отъ станицы.

Лѣтъ 25 тому назадъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Псебая водилось очень много дикихъ кабановъ, медведей и оленей; теперь-же эти животныя все болѣе и болѣе удаляются въ горы, а если и продолжаютъ встрѣчаться въ окружающихъ Псебай лѣ-

*) Обращенные къ югу склоны Герпегема остаются безъ снѣга почти всю зиму.

сахъ, то въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ прежде. Олени и медвѣди попадаются изрѣдка и ниже Псебая, въ лѣсахъ около Каладжинской станицы, но сюда они заходятъ болѣе или менѣе рѣдко; если это случится зимою, когда земля бываетъ покрыта снѣгомъ, то рѣдко кому изъ нихъ удастся благополучно уйти въ прежнія болѣе безопаснія мѣста. Лѣса между Псебаемъ и Каладжинской станицей надо поэтому считать сѣверной границей области распространенія по долинѣ Лабы крупныхъ звѣрей, кашковы олени, медвѣди и кабаны. Козы около Псебая и теперь живутъ въ изрядномъ количествѣ; это надо приписать главнымъ образомъ тому, что онѣ не любятъ высокихъ горъ и очень большихъ лѣсовъ, и не рѣшаются промѣнять на нихъ мѣста, окружающія Псебай и приходящіяся имъ болѣе по вкусу. Барсуки въ окрестностяхъ Псебая встрѣчаются очень часто и, несмотря на здѣшнія теплія зимы, залегаютъ въ спячку. По берегамъ всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣчекъ, напр., по М. Лабѣ и Андрюку, около Псебая живутъ рѣчныя выдры (порѣши); въ подобныхъ же мѣстахъ попадаются и норки. Тѣхъ и другихъ мѣстные жители ловятъ капканами. Гораздо чаще встрѣчаются здѣсь лѣсная куница (желтодушка—*Mustela martes L.*) и каменная куница (блѣдодушка—*M. foina Briss.*). Онѣ, впрочемъ, отдаютъ предпочтеніе большимъ горнымъ лѣсамъ. Куницъ добывается въ окрестностяхъ Псебая и сосѣднихъ съ нимъ горахъ довольно много, и цѣна на нихъ колеблется отъ 5 до 7 рублей за штуку. Переязка (*Putorius sarmaticus Pall.*) встрѣчается здѣсь изрѣдка, а обыкновенный хорекъ, кажется, отсутствуетъ. Волкъ и лисица принадлежать къ самымъ распространеннымъ животнымъ этихъ мѣсть, шакалъ-же попадается какъ большая рѣдкость *). Дикихъ котовъ очень много какъ въ лѣсахъ, такъ и вообще по каменистымъ мѣстамъ. Многіе изъ псебайскихъ и андрюковскихъ охотниковъ, промышляющихъ преимущественно мелкаго звѣря, убиваютъ въ годъ болѣе десятка дикихъ котовъ. Въ лѣсахъ, окружающихъ Псебай, водится также много рысей, и зимою слѣды ихъ приходится видѣть очень часто. Такъ какъ онѣ ведутъ исключительно ночной образъ жизни, то рѣдко попадаютъ подъ выстрѣль охотника, чаще-же платятся своей шкурой, побѣдая отраву, которую въ районѣ Кубанской Охоты кладутъ для истре-

*) Егерямъ Кубанской охоты лѣтъ за 10 удалось отравить всего-двуихъ шакаловъ и то не близко отъ Псебая,—одного на Кишѣ (притокѣ Бѣлої), а другого на отрогахъ Ятыргварты.

бленія хищныхъ звѣрей. Обыкновенный ежъ попадается здѣсь очень часто, а заяцъ-русакъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ животнымъ окрестностей Псебая и вообще нижняго пояса горъ. Встрѣчается онъ, впрочемъ, и болѣе или менѣе высоко. Даже зимою я видѣлъ зайцевъ на высотѣ около 5000 фут. на горахъ за Псебаемъ.

На поляхъ около Псебая въ лѣтнее время живеть много перепелокъ; здѣсь-же летаютъ стада горлицъ, дикихъ голубей (*Columba livia Briss.*) и витютней (*Palumbus torquatus Aldr.*), но обыкновенная куропатка попадается очень рѣдко. Иволги и черные дрозды въ большомъ количествѣ гнѣздаются во всѣхъ псебайскихъ садахъ. Сороки, которыя вообще избѣгаютъ горной мѣстности, лѣтомъ въ окрестностяхъ Псебая не встрѣчаются вовсе, а зимой очень рѣдко. Благодаря теплымъ зимамъ, въ окрестностяхъ Псебая зимуетъ очень много птицъ, улетающихъ передъ наступленіемъ зимы на югъ изъ другихъ болѣе холодныхъ мѣстностей Кавказа. Деревенскихъ ласточекъ здѣсь очень много, часто можно видѣть обыкновенныхъ стрижей (*Cypselus apus*). Зимою я видѣлъ здѣсь обыкновенныхъ скворцовъ, черныхъ дроздовъ, цѣлыхъ стада витютней, которые держатся по-преимуществу на горахъ, въ ельникахъ, множество разнообразныхъ мелкихъ птичекъ: зябликовъ, овсянокъ (*Emberiza sia* и *E. citrinella*) и т. д.; на незамерзающихъ рѣчкахъ живеть, кромѣ того, много утокъ и ныроковъ. Изъ пресмыкающихся и амфибій въ небольшихъ болотахъ, заросшихъ травой и камышемъ, встрѣчаются болотная чепчаха (*Cistudo europaea Gray*) и гребенчатый тритонъ, а на поляхъ зеленая ящерица (*Lacerta viridis L.*) и, кромѣ того, *Lacerta praticola Ewersm.* Изъ лягушекъ встрѣчаются тѣ-же виды, какъ и въ прочихъ мѣстностяхъ Сѣвернаго Кавказа, и, кромѣ того, одинъ очень крупный видъ жабъ, живущихъ въ горахъ сѣверо-западнаго Кавказа. На Герпегемѣ, надъ Псебаемъ мы поймали также гадюку (*Vipera Renardi Christ.*), которая своей яркой окраской напоминаетъ гадюкъ, водящихся на высокихъ горахъ.

Я забылъ сказать, что Псебай замѣчательенъ еще необыкновенно красивыми видами, которые открываются съ него на горы. Въ ясное утро, когда воздухъ бываетъ особенно прозраченъ, эти-ми видами нельзя налюбоваться. Съ Псебая видны покрытые снѣгами отроги Главнаго Кавказскаго хребта, громадный горный массивъ Ятыргварты (9051 ф.), на вершинѣ которого разстилаются

горные луга, простирающиеся на многія версты и перемежающіе съ отвѣсными скалами, осыпями и пятнами снѣга, красивыя скалы Чортовыхъ воротъ (Ачешбокъ), многія другія вершины и, наконецъ, красивыя лѣсистыя горы, которыя начинаются верстахъ въ 3-4 отъ Псебая и, по мѣрѣ удаленія отъ него, поднимаются все выше и выше.

Въ двадцатыхъ числахъ юня я предпринялъ поѣздку изъ Псебая къ верховьямъ М. Лабы, на перевалъ Аишхо и къ истокамъ Мзымы. Въ эти мѣста отправился со мною одинъ мой знакомый Г. С. В. и мой сынъ, гимназистъ. Въ Псебай мы наняли двухъ проводниковъ и верховыхъ лошадей, рѣшивъ употребить на осмотръ названныхъ мѣсть недѣли три. Дорога изъ Псебая къ истокамъ М. Лабы тянется все время по ущелью этой рѣчки, которую называютъ здѣсь Лабенкомъ, и вдоль лѣваго берега ея. Первая верстъ 20 этого пути мною уже были описаны въ статьѣ «Кубанская область въ верховьяхъ Уруштена и Бѣлой», поэтому настоящее описание я начинаю съ уроцища Чернорѣчья, которое находится вблизи сліянія Лабенка съ Уруштеномъ и отстоитъ отъ Псебая на 24 версты. Здѣсь на днѣ очень живописнаго ущелья, на высотѣ приблизительно 2700 ф. надъ ур. моря, выстроены два довольно большихъ домика, въ которыхъ живутъ егеря Кубанской Охоты. Въ Чернорѣчье мы предполагали только переночевать, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ должны были прожить болѣе сутокъ. Время это для меня, впрочемъ, не пропало даромъ, такъ какъ было употреблено на собираніе животныхъ, растеній и минераловъ въ окрестностяхъ Чернорѣчья.

Ущелье Лабенка и въ этомъ мѣстѣ очень узко и почти сплошь покрыто лѣсомъ, изъ которого только кое-гдѣ торчатъ красивыя группы скалъ. Въ южной сторонѣ ущелья поднимается высокій лѣсистый крутой мысъ; онъ представляеть одинъ изъ отроговъ Ятыргварты и возвышается между ущельями М. Лабы и Уруштена. По нему идетъ дорога на перевалъ Псеашхо. Оба ущелья пересѣкаются другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ, оба одинаково глубоки, но ущелье Уруштена кажется изъ Чернорѣчья болѣе открытымъ и просторнымъ. Кромѣ того, оно гораздо прямѣе и потому видно на болѣе значительномъ протяженіи. Вблизи сліянія съ ущельемъ М. Лабы оно сильно лѣсисто, а дальше окаймляется высокими горами, покрытыми наверху горными лугами. Съ южной стороны въ него упираются отроги Ятыргварты и, между прочимъ, та гора, которая извѣстна у псебайцевъ подъ

именемъ «Скирды». Видъ на нее замѣчательно красивъ. Она имѣеть длинную ровную плоскую вершину, напоминающую скирду сѣна, и покрыта зеленою травой. «Скирда» окаймлена гигантскимъ барьеромъ совершенно отвѣсныхъ темно-серыхъ скалъ. Ниже ихъ тянется очень крутой зеленый откосъ, по которому едва-ли въ состояніи пройти человѣкъ, а за нимъ еще цѣлая серія чередующихся другъ съ другомъ уступовъ скалъ и карнизовъ, покрытыхъ изумрудно-зеленою травой. Уруштенъ раза въ два или три меныше Лабенка и несетъ болѣе темную воду; въ Лабенкѣ же она очень чиста, прозрачна и имѣеть прекрасный сине-зеленый цвѣтъ.

Черезъ Уруштенъ вблизи впаденія его въ М. Лабу былъ построенъ во время Кавказской войны прочный каменный мостъ. Въ послѣднія 10-20 лѣтъ онъ такъ сильно пострадалъ отъ разныхъ причинъ, что отъ него уцѣлѣли только массивные каменные устои, построенные на берегахъ рѣки; но года полтора назадъ настилка, перила и прочія деревянныя части моста сдѣланы заново, и по мосту снова началиѣздить и въ особенности прогонять скотъ въ лѣтнее время въ горы, на пастбища, и обратно.

На горахъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ М. Лабы противъ Чернорѣчья и поднимающихся надъ дномъ ущелья тысячи на три фут., можно ежедневно утромъ и вечеромъ со двора караулки видѣть сернъ. Онѣ часто спускаются очень низко и, такъ какъ ихъ здѣсь никто не преслѣдуетъ и не беспокоитъ, не обращаютъ никакого вниманія на людей, которые всегда толпятся на дворѣ караулки илиѣздятъ и ходятъ по дорогѣ, извивающейся подъ самыми скалами. Онѣ почти ежедневно подолгу пасутся не далѣе, какъ шагахъ въ 400 или 450 отъ дороги. Этими красивыми стройными животными можно было любоваться по цѣлымъ часамъ и видѣть отчетливо въ бинокль или подзорную трубу каждое ихъ движеніе. Серны не обращали никакого вниманія, какъ мы сами наблюдали, ни на громкій свистъ, ни на другой шумъ, который онѣ, безъ сомнѣнія, слышали прекрасно, и продолжали пасться. За нѣсколько дней до нашего приѣзда на этихъ же скалахъ видѣли медвѣдя. Одинъ изъ егерей сдѣлалъ по немъ нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ, впрочемъ, медвѣду никакого вреда.

Ущелье М. Лабы, въ которомъ находится и Чернорѣчье, известно подъ именемъ Шахъ-гиреевскаго. Склоны горъ, ограничивающихъ его, сложены изъ различныхъ горныхъ породъ. При началѣ ущелья, въ 8 верстахъ отъ Псебая, они состоять изъ

крупно-зернистаго, не особенно твердаго песчаника, тождественаго съ тѣмъ, который встрѣчается и въ сосѣднихъ рѣчныхъ долинахъ, наср., въ долинѣ Бѣлой, выше Хамышковъ. Онъ тянется на протяженіи нѣсколькихъ верстъ вдоль по ущелью, дальше же за нимъ обнажаются свѣтло-серые глинистые сланцы, а около Чернорѣчья встрѣчаются уже сложныя кварцевыя горныя породы, именно кристаллические сланцы разныхъ видовъ. Рядомъ съ ними и здѣсь залегаютъ пласти плотнаго темно-бураго песчаника. Въ этой-же мѣстности, но на противоположной сторонѣ ущелья найденъ каменный уголь, а вблизи караулки въ кварцевыхъ породахъ, у берега рѣки, тонкія прослойки мѣдной руды. Большое количество желѣзной руды находится на горахъ съ лѣвой стороны ущелья М. Лабы, именно около Ачхи, и на Ятыргвартѣ. Сюда уже не разъ являлись горные инженеры и коммерсанты и сдѣлали заявки на желѣзную руду въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Одинъ изъ живущихъ здѣсь егерей показывалъ мнѣ цинковую руду, талькъ и горный ленъ, найденные имъ верстахъ въ 20 отсюда на Б. Лабѣ.

Лѣса въ описываемой части ущелья состоятъ почти исключительно изъ лиственныхъ породъ—брука, граба, ильма, клена, ольхи, черно-ольхи и т. д. Ясень попадается здѣсь, но только спорадически. На верхнихъ уступахъ горъ, ограничивающихъ ущелье, къ лиственнымъ породамъ примѣшиваются сосна и кавказская пихта (*Abies Nordmanniana Stev.*), а рядомъ съ ними растетъ много березы. Вблизи караулки и выше ея по ущелью Лабенка лѣса изобилуютъ малиной, собирать которую приходятъ сюда изъ Псебая. Она начинаетъ поспѣвать во второй половинѣ июня. Изъ кустарникъ растеній здѣсь встрѣчается много кизила (*Cornus Mas*), свидины (*Cornus sanguinea*), обыкновенной калины, калины-гордовины (*Viburnum Lantana*), орѣшника (*Corylus Avellana*), бересклета и мѣстами очень много жасмина (*Philadelphus coronarius*), а изъ травянистыхъ около караулки часто встрѣчается бѣлый *Aconitum*, *Sedum acre*, *Crassula* и множество красивыхъ папоротниковъ, которые ются преимущественно по мокрымъ тѣнистымъ скаламъ и свѣшиваются съ нихъ цѣлыми гирляндами. Къ здѣшнимъ папоротникамъ относятся: *Polypodium vulgare L.*, *Asplenium Trichomanes L.*, *Aspl. septentrionale Sw.*, *Aspidium Filix Mas*, *Aspidium Lonchitis Sw.*, *Cystopteris fragilis Bernh.* и нѣкоторые другие. Ниже Чернорѣчья въ Шахъ-

тиреевскомъ ущельѣ растутъ фруктовыя деревья и кустарники, именно яблони, груши, лыча (*Prunus divaricata*) и т. д.

Птицами окрестности Чернорѣчья очень бѣдны. Издали я видѣлъ здѣсь двухъ черныхъ грифовъ (*Vultur cinereus Naum.*), слышалъ часто крикъ обыкновенной пѣночки (*Phylopneuste trochilus L.*), видѣлъ соекъ, поползней (*Sitta caesia Wolf.*), зеленыхъ дятловъ (*Gecinus viridis L.*) и чаще всего горныхъ плисокъ (*Calobates sulphurea L.*). На скалахъ и осипяхъ около Чернорѣчья, по словамъ егерей, водятся горныя курочки (*Perdix chukar Gray*). Изъ пресмыкающихся здѣсь встрѣчается мѣдяница (*Anguis fragilis L.*), горная ящерица (*Lacerta muralis L.*), обыкновенный или кольчатый ужъ и черный ужъ (*Tropidonotus natrix var. ater Eichw.*). Одинъ крупный экземпляръ послѣдняго вида мы поймали на дорогѣ верстахъ въ 3 или 4 ниже караулки. Онъ имѣлъ длину въ $1\frac{1}{2}$ аршина; спина у него была окрашена въ блестящій чисто-черный цвѣтъ; плоская широкая голова, напоминающая голову ядовитой змѣи, имѣла такой-же цвѣтъ; по бокамъ головы на тѣхъ мѣстахъ, где у обыкновенного (кольчатаго) ужа находятся желтныя пятна, у пойманного нами были сѣровато-черные пятна, очень мало отличающіяся по цвѣту отъ прочихъ частей головы. Нижняя часть тѣла черная, но съ крупными бѣлыми пятнами, образующими неполный полукольца. Около отверстія рта и на горлѣ также находятся бѣлые пятна. Когда этого ужа беспокоили, онъ сильно шипѣлъ, расширялъ лицевую часть головы, но вовсе не обнаруживалъ намѣренія кусаться. Егеря говорили мнѣ, что вблизи караулки имъ не разъ приходилось видѣть и обыкновенную гадюку. Чаще-же всѣхъ пресмыкающихся здѣсь встрѣчаются горныя ящерицы (*Lacerta muralis Laur.*). Эти проворныя красивыя животныя любятъ грѣться на солнцѣ и охотятся въ это время за насѣкомыми, поэтому въ солнечный день ихъ можно видѣть по нѣскольку штукъ на каждой кучѣ камней или на каждомъ выступѣ скалы. Особенно много этихъ ящерицъ на послѣднихъ 2-3 верстахъ пути передъ караулкой. Онѣ съ необыкновенной ловкостью и проворствомъ лазять не только по отвеснымъ, но даже нависшимъ скаламъ, и при видѣ опасности очень быстро прячутся въ трещинахъ ихъ; поэтому ловить ихъ не особенно легко. Если схватить горную ящерицу за ея тонкій длинный хвостъ, то она, быстро и сильно изгибая туловище, обламываетъ хвостъ еще скорѣе, чѣмъ другіе виды ящерицъ. Для болѣе легкаго совершенія такой безкровной

или почти безкровной операци (аутотомія), въ которой прибѣгаютъ многія животныя, чтобы спасти свою жизнь, существуютъ у нихъ, какъ известно, можетъ быть, читателю, особыя приспособленія и даже особыя нервныя центры, управляющіе сокращеніемъ мускуловъ, которые производятъ отламываніе органовъ. Во время ловли горныхъ ящерицъ я нѣсколько разъ наблюдалъ, что за бравшася въ узкую щель ящерица не въ состояніи обломить свой хвостъ, потому что не можетъ дѣлать крутыхъ поворотовъ своимъ тѣломъ. Такую ящерицу всегда можно было вытянуть изъ щели, гдѣ она цѣплялась довольно сильно, даже за самыи кончики хвоста, если только тянуть ее плавно. Куцыя ящерицы и здѣсь попадаются не рѣдко; слѣдовательно, несмотря на проворство, имъ частенько приходится жертвовать своимъ хвостомъ. Питаются эти ящерицы по-преимуществу мухами и мелкими бабочками, крылья которыхъ я не разъ видѣлъ во рту ящерицъ. Горная ящерица очень красиво окрашена. Спина у нея синевато-сѣрая или зеленовато-сѣрая, рѣже зеленовато-бурая, а у нѣкоторыхъ экземпляровъ даже чисто-синяя, причемъ по этому основному фону бываютъ всегда разбросаны черныя пятна. Въ мѣстахъ, гдѣ спинная поверхность переходитъ въ боковую, тянется темная полоса, очень рѣзко выраженная у нѣкоторыхъ экземпляровъ. Брюшко у взрослыхъ имѣеть чаше свѣтлый золотисто-желтый цвѣтъ, а у болѣе молодыхъ желтовато-блѣлый или даже почти блѣлый. Наружные брюшные щитки часто бываютъ окрашены въ яркій голубой цвѣтъ и отличаются сильнымъ металлическимъ блескомъ. Самцы имѣютъ болѣе яркую, блестящую окраску, самки-же окрашены проще, не такъ ярко, а молоднякъ имѣютъ еще болѣе однообразную буроватую окраску. Что касается рыбъ, то въ Лабенкѣ и Уруштенѣ водится только рѣчная форель. Ночью въ Чернорѣчье можно видѣть много летающихъ свѣтиящихся жучковъ (*Lampiris splendens*). Живущихъ на Черной рѣчкѣ егерей Кубанской Охоты я разспрашивалъ о перелетѣ птицъ весной и осенью черезъ Шахъ-гиреевское ущелье. Они говорятъ, что видятъ, хотя и немного, гусей, утокъ и различныхъ мелкихъ птичекъ, но никогда не замѣчали журавлей и не слышали ихъ крика. Основываясь на словахъ егерей, я думаю, что здѣсь перелетаетъ птицъ немного. Вѣроятно, онѣ находятъ ущелье Малой Лабы, почти совершенно лишенное полянъ, неудобной дорогой для своихъ переселеній. Степнымъ птицамъ здѣсь не только трудно найти подходящую пищу, но и негдѣ отдохнуть.

Уроцище Чернорѣчье отличается здоровымъ и прохладнымъ климатомъ. Въ срединѣ лѣта часовъ въ 6 утра здѣсь бываетъ обыкновенно не болѣе 9 или 10 градусовъ тепла. Въ полдень также не бываетъ особенно жарко, благодаря дующему по ущелью вѣтру. Этотъ вѣтеръ представляетъ, однако, и существенный недостатокъ Чернорѣчья, въ особенности въ холодное время года. Вода въ Лабенкѣ здѣсь чистая, свѣтлая и очень прохладная, хотя не настолько, чтобы вовсе нельзя было купаться въ ней. Утромъ 24 июля она имѣла температуру только 9° С., послѣ полу-дня же температура ея доходитъ градусовъ до 18 С. и, вѣроятно, больше.

Съ Чернорѣчья мы отправились вверхъ по ущелью М. Лабы къ уроцищу «Умыры», находящемуся при владеніи р. Умыры въ М. Лабу и отстоящему отъ Чернорѣчья на 20 верстъ. Тропинка, по которой мы ходили, все время тянется вдоль лѣваго берега Лабенка то по густому лѣсу, то по крутымъ скалистымъ болѣе или менѣе открытымъ откосамъ. По мѣрѣ удаленія отъ Чернорѣчья ущелье Лабенка дѣлается все уже, круче и красивѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно обставлено очень высокими зубчатыми скалами, напоминающими готические замки и башни. На нихъ почти вездѣ растутъ рѣдкія, но очень большія сосны и темно-зеленые остроконечные пихты. Съ каждымъ поворотомъ ущелья открываются здѣсь все новые и новые виды. Лабенокъ течетъ очень быстро, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русло его, имѣющее въ среднемъ арш. 50 въ ширину, съуживается арш. до 12-15. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода въ немъ на протяженіи саженъ ста бѣла, какъ серебро, и, какъ будто бы, кипитъ ключемъ. Съ огромной силой ударяясь о скалы и камни, рѣчка здѣсь прыгаетъ и мечется изъ стороны въ сторону, какъ какое-нибудь чудовище. Въ другихъ мѣстахъ теченіе ея гораздо тише и спокойнѣе, а вода уже не блеститъ серебромъ, а имѣеть чудный зелено-голубой цвѣтъ и отличается прозрачностью. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Умыры ущелье М. Лабы съуживается особенно сильно, и почти отвѣсныя скалы подступаютъ къ самой рѣчкѣ. Продѣланная вдоль ущелья тропинка зигзагами круто поднимается здѣсь на довольно высокую гору. Надъ тропинкой поднимаются высокія скалы, а глубоко внизу шумитъ рѣка. Мѣсто это егеря Кубанской Охоты прозвали «Балканами». Здѣсь приходится слѣзть съ лошади и болѣе полуверсты пройти пѣшкомъ. За «Балканами» ущелье становится еще красивѣе: надъ самой рѣкой громоздятся отвѣс-

ныя, даже нависшія скалы въ нѣсколько сотъ футовъ высотою, а надъ ними поднимается еще ярусъ высокихъ, стройныхъ, остроконечныхъ пиковъ, покрытыхъ рѣдкими сосновами и возвышающихся по крайней мѣрѣ тысячи на три футовъ надъ уровнемъ рѣки.

Лѣса между Чернорѣчью и Умпиреемъ также состоять изъ очень разнообразныхъ древесныхъ и кустарниковыхъ породъ, но уже замѣтно отличаются отъ лѣсовъ, растущихъ при началѣ Шахгиреевскаго ущелья. Здѣсь встрѣчается очень много бѣлой ольхи (*Alnus incana*), которая на болѣе пологихъ мѣстахъ, вблизи береговъ рѣкъ образуетъ чистыя сплошные насажденія изъ деревьевъ отъ 5 до 8 дюймовъ въ диаметрѣ. Кромѣ того, бѣлая ольха растетъ отдельными деревьями или небольшими группами среди другихъ лѣсныхъ породъ и нерѣдко достигаетъ обхвата и болѣе въ толщину. Часто попадается и черноольха, обыкновенный и остролистный кленъ (*Acer campestre*, *A. platanoides*), вязъ (*Ulmus campestris*), букъ, грабъ, дубъ, рѣже липа, рябина, береза, яблоня и груша. Ясенъ попадается рѣдко, зато нѣкоторыя деревья его достигаютъ здѣсь обхватовъ трехъ въ толщину. Ель, пихта и сосна встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ около Чернорѣчья, и, кромѣ того, спускаются до самаго дна ущелья. Изъ кустарниковъ въ этихъ мѣстахъ встрѣчается много орѣшника (*Corylus Avellana*), бересклета, свидины (*Cornus sanguinea*), бузины (*Sambucus nigra*), калины (*Viburnum Opulus*) и жасмина (*Philadelphus coronarius*). Послѣдній образуетъ мѣстами сплошные заросли, покрывающія каменистые склоны ущелья на пространствѣ въ нѣсколько десятинъ. Стволы его достигаютъ нерѣдко довольно порядочной толщины (вершокъ въ диаметрѣ и болѣе). Въ началѣ лѣта жасминъ бываетъ покрытъ множествомъ красивыхъ желтовато-бѣлыхъ цветовъ. Въ этомъ же ущельѣ встрѣчаются и плодовые кустарники: красная и бѣлая лыча (недалеко отъ Чернорѣчья), крыжовникъ (два сорта), смородина и малина. Одинъ видъ смородины (*Ribes nigrum L.*) имѣеть крупные черные ягоды, сидящія на длинныхъ кистяхъ, и крупные листья, другой же (*R. rubrum L.*, а, можетъ быть, и *R. petraeum Wulf.*) имѣеть болѣе мелкія красноватыя ягоды сладкаго вкуса и очень мелкие листья. Малина попадается по болѣе открытымъ каменистымъ мѣстамъ; очень много растетъ ея и по сторонамъ тропинки. Крупными, вкусными и душистыми плодами малины мы лакомились во все время пути отъ Чернорѣчья до Умпиря. Бирючина (*Ligustrum vulgare*) попадается здѣсь сравнительно рѣдко;

то-же можно сказать и про обыкновенный можжевельникъ (*Juniperus communis*). Другой видъ можжевельника, именно *Juniperus Sabina*, также встрѣчается здѣсь, но на болѣе высокихъ мѣстахъ. Травянистые растенія, конечно, очень разнообразны, но изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе огромное зонтичное растеніе *Heracleum pubescens*, достигающее высоты сажени въ дѣвъ и толщины иногда почти въ ногу человѣка, чумной корень (*Petasites officinalis*) съ громадными листьями, *Spiraea Aruncus*, травянистая бузина (*Sambucus Ebulus*), *Impatiens noli tangere*, *Atropa Belladonna*, *Leonurus Cardiaca*, хмѣль и т. д. Кромѣ того, въ этомъ ущельѣ встрѣчаются на каждомъ шагу различные папоротники, а въ одномъ мѣстѣ растетъ очень много хвоща—*Equisetum hemale*. Нигдѣ, кромѣ этого мѣста, въ верховьяхъ Лабы я его не встрѣчалъ, да и егеря говорили мнѣ, что онъ растетъ только здѣсь. *Pteris aquilina* попадается, но очень рѣдко. На буковыхъ деревьяхъ, еляхъ и пихтахъ растетъ еще много лишайниковъ (*Usnea barbata*).

По дорогѣ отъ Чернорѣчья до Умпиря мы видѣли серну и, кромѣ того, вблизи Балканъ вслугнули какого-то крупнаго звѣря. Онъ, почуявъ или услышавъ насъ, бросился на каменистую кручу, и изъ подъ его ногъ посыпался на настъ цѣлый градъ камней. На скалахъ, освѣщеныхъ солнцемъ, и здѣсь попадается довольно много такихъ-же ящерицъ, какъ вблизи Чернорѣчья. Около ур. Умпирь, на берегу Лабенка, я поймалъ еще довольно большую и красивую мѣдяницу (*Anguis fragilis L.*). Одинъ изъ егерей Кубанской Охоты и ветеринарный стражникъ съ ужасомъ смотрѣли на меня, когда я держалъ въ рукахъ это безвредное животное, которое они считали ядовитѣйшей змѣй.

Тропа отъ Чернорѣчья до Умпиря въ общемъ довольно сносная, хотя кое-гдѣ и тянется надъ кручами и не вполнѣ безопасна; только въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи верстъ 2-3, она тянется по топкимъ глинистымъ оползнямъ, гдѣ ноги лошади погружаются въ липкую грязь по самое колѣно. Мѣсто это находится верстахъ въ 8 отъ Чернорѣчья и известно подъ именемъ Затишья или Третьей Роты. Здѣсь во время Кавказской войны и послѣ нея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ стояла третья рота одного изъ батальоновъ Севастопольского полка. Этому обстоятельству и обязано мѣсто своимъ названіемъ. На полянѣ въ этомъ мѣстѣ до сихъ поръ видны фундаменты бывшихъ ротныхъ по-

строекъ. На проѣздѣ отъ Чернорѣчья до Умпиря мы употребили около пяти часовъ.

Урочище Умпирь одно изъ самыхъ чудныхъ мѣстъ въ горахъ всей Кубанской области. Оно расположено на высотѣ около 3350 фут. надъ ур. моря. Это своего рода земной рай. Здѣсь сходятся долины или ущелья трехъ рѣчекъ: М. Лабы, Умпиря и Ачишты. Ущелье М. Лабы въ этомъ мѣстѣ сильно расширяется и дно его представляетъ чудную поляну, покрытую свѣжей зеленою травою со множествомъ красивыхъ цвѣтовъ; по ней разбросаны еще то одиночно стоящія, то собранныя въ небольшія группы стройныя изящныя сосны. Крупнымъ сосновымъ лѣсомъ, въ которомъ растетъ немало красивыхъ кудрявыхъ березъ, окружена эта поляна со всѣхъ сторонъ. М. Лаба ограничиваетъ ее съ востока и можетъ считаться украшеніемъ этой мѣстности. Умпирь и Ачишты значительно уступаютъ ей въ этомъ отношеніи. Но особенно замѣчательно урочище Умпирь своими необыкновенно живописными видами, которые открываютъ отъ него по всѣмъ направлениамъ. Онъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, почти сплошь покрытыми лиственными и хвойными лѣсами; надъ ними залегаютъ альпійскіе луга, надъ которыми громоздятся еще высокія скалы. Во многихъ мѣстахъ на горныхъ лугахъ блестятъ небольшія полосы и пятна снѣга, а кое-гдѣ и порядочные снѣжныя поля. Глубокими ущельями и долинами упомянутыхъ трехъ рѣчекъ прорѣзываются эти горы въ трехъ разныхъ направленияхъ. Ущелья по своей красотѣ также могутъ соперничать другъ съ другомъ. На сѣверъ отъ поляны тянется описанное уже ущелье М. Лабы съ его крутыми, высокими, обрывающимися къ рѣчкѣ скалами и остроконечными пиками. Отсюда онъ видны еще лучше и въ хорошую погоду особенно рельефно обрисовываются на темно-синемъ фонѣ неба. На югъ тянется продолженіе этого-же ущелья, но здѣсь оно не такъ скалисто и почти сплошь покрыто лѣсомъ. Горы, окружающія его, вдали становятся выше и выше. Съ правой стороны долины въ одной котловинѣ на нихъ лежать порядочные лоскуты снѣга, а еще дальше на югѣ ущелье это замыкается очень высокими, скалистыми и крутыми горами, изящно украшенными пятнами, полосами и лентами вѣчнаго снѣга. Это сѣверный конецъ того отрога Главнаго Кавказскаго хребта, который отдѣляетъ долину Цахвоа, притока М. Лабы, отъ долины этой послѣдней.

Долина Ачишты значительно шире, просторнѣе и также

почти сплошь покрыта дремучимъ лѣсомъ, по-преимуществу хвойнымъ. Онъ замѣчательнѣй тѣмъ, что въ немъ до сихъ поръ воядятся зубры. Съ сѣверной стороны этой долины видныются крутыя зубчатыя скалы—отроги горы Ахтархвы, а съ южной поднимаются до 7500 фут. другой необыкновенно крутой кряжъ. Гребень его идетъ сначала съ В. на З., а потомъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ почти прямо на югъ, напоминая своими изгибами кочергу. Этимъ именемъ называютъ его егеря Кубанской Охоты. Вдали, на западѣ, за долиной Ачишты видныются высокія горы, также разрисованныя полосами и пятнами снѣга. Еще красивѣе выглядить просторная, широкая, но болѣе короткая долина Умпиря, о которой вскорѣ будетъ сказано подробнѣ.

Въ лѣтнее время урочище Умпирь можетъ привлекать къ себѣ еще въ другомъ отношеніи. На умпирской полянѣ и сосѣднихъ съ нею открытыхъ мѣстностяхъ растетъ очень много клубники и земляники, которая въ концѣ іюня и въ іюль бывають увѣзаны крупными, сочными, душистыми и очень вкусными плодами; здѣсь-же на каменистыхъ мѣстахъ по берегамъ Лабенка всюду попадается очень много малины съ еще болѣе вкусными плодами. Этимъ даровымъ угощеніемъ мы могли пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но этимъ еще не исчерпывается богатство Умпиря: во всѣхъ рѣчкахъ, находящихся по сосѣдству съ нимъ, водится такъ много форели, что наши проводники, отправляясь часа на четыре за рыбой, приносили иногда каждый по полусотнѣ форелей. Большая часть ихъ имѣла въ длину отъ 4 до 5 вершк., но между ними попадался одинъ экземпляръ въ $9\frac{1}{2}$ вершковъ. Форель мы ёли съ большимъ удовольствіемъ въ вареномъ и жареномъ видѣ. На конецъ, окрестности Умпиря представляютъ и лучшее въ отношеніи охоты мѣсто во всемъ районѣ Кубанской Великокняжеской Охоты. Здѣсь, особенно въ долинѣ Умпиря, водится много оленей, дикихъ кабановъ; на «Кочергѣ» и горахъ, окружающихъ долину Умпиря, бродятъ цѣлые стада сернъ, а нѣсколько дальше, на Магиши, Луганѣ и другихъ высокихъ горахъ живутъ туры. Медвѣди здѣсь попадаются до сихъ поръ довольно часто, но количество ихъ сильно уменьшилось за послѣдніе годы вслѣдствіе того, что они, какъ и прочіе хищные звѣри, истребляются всѣми способами въ районѣ Кубанской Охоты *). Не особенно

*) Во времія нашего пребыванія на Умпирѣ сюда прїехали три егеря Кубанской Охоты и за недѣлю въ долинѣ Умпиря и Б. Лабы убили 8 медвѣдей, считая въ томъ числѣ и медвѣжатъ.

давно въ долинѣ Умпиря водились зубры, но они покинули эти удобныя для нихъ мѣста тогда, когда венгерцы-лѣсопромышленники, имѣющіе лѣсопильный заводъ недалеко отъ Псебая, начали рубить въ этихъ мѣстахъ лѣсъ. Въ уроцішѣ Умпирь попадается очень много зайцевъ. На срединѣ умпирской поляны построено охотничій лагерь, состоящій изъ маленькаго деревяннаго домика и нѣсколькихъ дощатыхъ бараковъ. Они имѣли для насъ также немаловажное значеніе, такъ какъ въ нихъ мы могли съ удобствомъ укрываться отъ непогоды, которая, къ сожалѣнію, въ эту поѣздку преслѣдовала насъ самымъ безпощаднымъ образомъ.

Кромѣ названныхъ уже древесныхъ породъ около Умпиря растетъ довольно много осины, дуба, бука (*Fagus montana Lipsky*), лихты, черноольхи, орѣшника, рододендроновъ (*Azalea Pontica*), можжевельника и т. д. Изъ травянистыхъ растеній здѣсь обращаются на себя вниманіе *Epilobium angustifolium*, *Delphinium*, *Trifolium arvense*, *Campanula glomerata*, *Spiraea philipendula*, *Lychnis inflata*, *Aconitum Orientale* и т. д. Что касается птицъ, то ихъ на умпирской полянѣ и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ мы встрѣчали довольно много. Обыкновенного крапивника (*Troglodytes rufiventer L.*) здѣсь приходится видѣть и слышать очень часто. Также часто попадается обыкновенная синица (*Parus major L.*) и долгохвостая синица (*Mecistura caudata L.*), которая снуютъ небольшими группами по сосновымъ и другимъ деревьямъ, отыскивая насѣкомыхъ. Довольно часто попадаются здѣсь сойки (*Garrulus Krinickii Bogd.*), снегири, стрижи (*Cypselus apus L.*), зяблики, пѣночки и два вида плисокъ—обыкновенная (*Motacilla alba L.*) и горная (*Calobates sulphurea Bechst.*). Послѣднія держатся по берегамъ здѣшнихъ рѣчекъ. Но больше всего обращаютъ на себя вниманіе клесты, которые довольно порядочными стайками прилетаютъ утромъ и вечеромъ на разбросанныя по полянѣ сосны. Они кормятся сосновыми сѣменами, очень ловко вылущивая ихъ изъ шишекъ своимъ оригинально устроеннымъ клювомъ. Полюжини убитыхъ на Умпирѣ клестовъ оказались принадлежащими къ виду *Loxia curvirostra L.* Старые самцы имѣли окраску болѣе или менѣе красную на верхней сторонѣ тѣла, особенно на надхвостье, и сѣрую на прочихъ частяхъ тѣла; у самокъ-же красный цвѣтъ замѣнялся желтымъ. Летаютъ здѣсь клесты стайками штука въ 15-20 и чаще всего садятся на верхушки одиночно стоящихъ сосенъ. При перелетахъ они всегда издаютъ особенный короткій крикъ и, уѣхвившись на какую-нибудь

сосну, тотчасъ принимаются за вылущивание ея шишекъ. На умпирскую поляну клесты являются рано утромъ, остаются здѣсь часовъ до семи, потомъ скрываются въ лѣса, а вечеромъ возвращаются снова на поляну. О томъ, что на Умпирѣ водится много клестовъ, я давно слышалъ, но въ этомъ году мнѣ въ первый разъ пришлось добыть этихъ птицъ и убѣдиться въ существованіи ихъ на Кавказѣ *). До сихъ поръ для меня остается непонятнымъ, почему ихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ западнаго Кавказа, притомъ въ такихъ, которыхъ ни по климату, ни по растительности, ни по другимъ природнымъ условіямъ не отличаются отъ окрестностей Умпиря. Въ хвойныхъ лѣсахъ верховьевъ Шпехи, отстоящихъ отсюда менѣе, чѣмъ на сотню верстъ, я бывалъ изъ года въ годъ и ни разу не видѣлъ ни одного клеста. Не встрѣчалъ я ихъ никогда въ лѣсахъ Черноморской губерніи и Терской области, хотя и не могу утверждать, что они тамъ не водятся. Вблизи Умпиря я видѣлъ нѣсколько разъ альпийскихъ воронъ (*Fregilus graculus L.*), которыхъ живутъ на скалахъ по ущелью М. Лабы и Умпиря, и два вида грифовъ—*Vultur cinereus Naum.* и *Gyps fulvus Gm.*

Съ умпирской поляны мною было предпринято нѣсколько экскурсій въ разныя стороны. Во время поѣздки къ верховьямъ Умпиря и на перевалъ, который ведетъ изъ долины этой рѣчки на Заканъ, впадающій въ Б. Лабу, я имѣлъ возможность болѣе или менѣе обстоятельно осмотрѣть всю долину Умпиря и ознакомиться съ ея растительностью. Долина эта тянется съ востока на западъ, поэтому правый склонъ ея, обращенный къ югу, находится подъ сильнымъ дѣйствиемъ солнечныхъ лучей; лѣвый-же, обращенный къ сѣверу, получаетъ солнечной теплоты и свѣта гораздо менѣе. Зимою, вслѣдствіе очень большой обращенной къ сѣверу крутизны этого склона, на иѣкоторя мѣста его не падаетъ ни одинъ лучъ солнца въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. По этой причинѣ снѣгъ, выпавшій на правомъ склонѣ, зимою стаиваетъ часто въ первые же солнечные дни; лежитъ онъ долго только на

*). До 80-хъ годовъ о существованіи клестовъ на Кавказѣ говорилъ только А. Нордманъ, путешествовавшій по Кавказу въ 1836 году. Онъ наблюдалъ клестовъ на Аджарскихъ горахъ. Въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о нихъ и М. Н. Богдановъ (Птицы Кавказа, стр. 69, 1879 г.). М. А. Мензбиръ говоритъ: «на Кавказѣ клестъ распространенъ, вѣроятно, во всѣхъ хвойныхъ лѣсахъ, хотя пока находки его здѣсь не многочисленны». Съ первымъ положеніемъ, кажется, нельзя согласиться.

болѣе высокихъ мѣстахъ этого склона, находящихся вблизи гребня хребта. Что-же касается лѣваго склона, то на немъ снѣгъ держится въ теченіе не только всей зимы, но и значительной части осени и весны. Этими причинами обусловливается въ свою очередь полная противоположность растительности обоихъ склоновъ. Лѣвая сторона долины Умпиря покрыта сплошь густымъ мрачнымъ пихтовымъ лѣсомъ, въ которомъ растетъ довольно много ели. Лѣсь этотъ напоминаетъ лѣса суроваго сѣвера. Вверху онъ окаймляется болѣе или менѣе широкимъ поясомъ березняковъ, за которыми слѣдуютъ уже крутые откосы, покрытые тощими приземистыми травами, свойственными очень высокимъ мѣстамъ. Что-же касается правой стороны долины, то на ней растутъ груши, яблони, лыча, боярышникъ, дубъ, вязъ, очень много сосны и жимолости; но попадается также осина, черемуха и кромѣ того находятся большія пространства, заросшія исключительно жасминомъ. Въ концѣ іюня и началѣ іюля жасминъ былъ усѣянъ такимъ множествомъ желтовато-блѣлыхъ цветовъ, что мѣста, имъ покрытыя, издали казались почти бѣлыми. На этомъ-же склонѣ находится очень много большихъ полянъ. Тѣ изъ нихъ, которые расположены вблизи dna долины, заросли густымъ высокимъ бурьяномъ; другія-же, лежащія значительно выше, представляютъ прекрасные горные луга, испещренные безчисленнымъ множествомъ яркихъ красивыхъ цветовъ. Нѣкоторыя поляны этого склона почти сплошь заросли дикой рожью (*Secale montanum Gass.*). На самомъ верху этого склона растетъ еще много рододендроновъ (*Rhododendron Caucasicum*). Папоротниковъ въ долинѣ Умпиря также очень много, но они принадлежать къ тѣмъ-же родамъ и видамъ, какъ и тѣ, которые растутъ въ ущельѣ М. Лабы. Во времена владычества горцевъ въ долинѣ Умпиря было, какъ говорятъ, два черкесскихъ аула. Что касается самой рѣчки, то она имѣть верстъ 10 въ длину при ширинѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 сажень, течетъ очень быстро, несетъ чистую холодную воду и получаетъ начало изъ горъ, отдѣляющихъ долину Лабенка отъ долины Б. Лабы. Умпиря принимаетъ въ себя много горныхъ ручьевъ, которые вытекаютъ изъ склоновъ горъ, окружающихъ долину его. Вдоль всей долины Умпиря тянется тропа, по которой можно проѣхать на перевалѣ, ведущій къ верховьямъ Закана. На немъ даже въ лѣтнее время лежать полосы и пятна снѣга.

На другой день по приѣздѣ нашемъ въ уроцище Умпиря съ ранняго утра все небо было затянуто облаками. Въ горахъ это служитъ, какъ известно, дурнымъ предзнаменованіемъ въ отношеніи погоды. Дѣйствительно, еще утромъ тучи надъ нами начали быстро разрастаться, и дождь не заставилъ себя долго ждать: начался онъ часовъ съ 9 утра, а затѣмъ съ нѣкоторыми перерывами шелъ почти весь день. Но въ это самое время мой барометръ началъ быстро подниматься, подавая намъ надежду на хорошую погоду въ близкомъ будущемъ. Предсказаніе его, какъ оказалось, оправдалось въ значительной степени. Ночью небо очистилось, на немъ показались тысячи яркихъ звѣздъ, а утромъ нигдѣ на горахъ не было видно ни одного облачка. Желая возможно полнѣе воспользоваться хорошей погодой, я всталъ до свѣта, накоротко напился кофе, приготовленного еще съ вечера, и со своимъ сыномъ и однимъ проводникомъ отправился на горы, возвышающіяся по правую сторону долины Умпиря. Сначала мыѣхали по густому лѣсу и полянамъ, покрытымъ высокимъ бурьяномъ, потомъ зигзагами начали подниматься на крутую гору, вѣхали въ рѣдкій соснякъ, проѣхали по нему версты две и, наконецъ, выбрались на гребень горы. На все это потребовалось два часа. Здѣсь мы оставили лошадей и пѣшкомъ побредли вдоль гребня на востокъ, по направленію къ хребту Магиши. Подвигаясь въ этомъ направлениѣ на протяженіи верстъ четырехъ, мы поднимались все больше и больше и достигли, такимъ образомъ, высоты около 9000 ф. Съ этихъ мѣстъ открываются обширные и очень красивые виды во всѣ стороны, именно на хребетъ Магиши, Луганъ, на всю долину Умпиря, долину М. Лабы и горы, находящіяся въ ея верховьяхъ. Въ особенности хорошо видны отсюда долины притоковъ М. Лабы съ лѣвой стороны. Эти долины всюду покрыты лѣсами, надъ которыми громоздятся высокія скалистыя горы. На нихъ лежать небольшія снѣжныя поля, но нѣть ни одного глетчера. Хребетъ Луганъ, который тянется за горами, окаймляющими долину Умпиря съ лѣвой стороны, а отчасти и самъ ограничиваетъ ее, также очень высокъ и на немъ находится много снѣжныхъ полей. Одно изъ нихъ имѣть довольно порядочные размѣры, представляетъ очень толстый пластъ обледенѣлаго снѣга и оканчивается внизу высокимъ отвеснымъ уступомъ. Это поле можно, пожалуй, считать за фирнъ-глетчерь. Хребетъ Магиши поднимаетъся также очень высоко, — кромѣ того, онъ крутъ и скалистъ; но

на немъ нѣтъ не только глетчеровъ, но даже снѣжныхъ полей. Съ этихъ-же мѣстъ открывается видъ на оконечность того хребта, который отдѣляетъ ущелье М. Лабы отъ ущелья Цахвоа—довольно большого притока М. Лабы съ правой стороны. Здѣсь видны двѣ короткія балки или котловины и въ нихъ снѣжное поле среднихъ размѣровъ; ледниковъ-же и въ этомъ мѣстѣ нѣтъ. Такимъ образомъ, съ высокихъ горъ, окружающихъ долину Умпиря, не видно ни одного настоящаго глетчера; можно даже сказать съувѣренностью, что на горахъ, которыхъ видны съ этихъ мѣстъ и отстоять отъ нихъ не особенно далеко (верстъ на 10-15), настоящихъ глетчеровъ нѣтъ вовсе. Къ сожалѣнію, отсюда нельзя было видѣть верховья р. Цахвоа, которая течетъ въ крутомъ, глубокомъ и густо заросшемъ лѣсомъ ущельѣ; въ немъ нѣтъ, къ сожалѣнію, ни одной тропинки, по которой можно было бы хотя съ большими трудомъ пробраться къ истокамъ рѣки и осмотрѣть ихъ.

На склонахъ хребта, по которому мы прободили большую часть дня, я видѣлъ двухъ медвѣдей, трехъ ланей и десятка три сернъ. Кромѣ того здѣсь мы встрѣтили довольно много альпийскихъ воронъ, пустельгу (*Tinunculus alaudarius* Briss.), нѣсколько грифовъ (*Vultur cinereus* Naum.), стрижей (*Cypselus apus* L.) и вспугнули штукъ пять горныхъ тетеревовъ (*Tetrao Mlokosiewiczi* Tacz.). Послѣдніе водятся здѣсь въ изобиліи и весною собираются на тока цѣлыми стаями. Въ этихъ-же мѣстахъ живутъ и горные индѣйки, но намъ онѣ въ этотъ разъ не попадались. Почти на самомъ гребнѣ этого хребта мною были пойманы двѣ гадюки (*Vipera Renardi*), интересныя по своей окраскѣ, замѣтно отличающейся отъ окраски гадюкъ, живущихъ на мѣстахъ невысокихъ. Обѣ онѣ имѣли сравнительно небольшую величину (очевидно, были еще молодыми) и очень свѣтлый пепельно-серый основной цвѣтъ, по которому были разбросаны на бокахъ, спинѣ и головѣ крупные черные пятна. На спинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, они сливались другъ съ другомъ, образуя характерную для гадюкъ зигзагообразную полосу, въ другихъ-же оставались разъединенными. Одинъ подобный экземпляръ былъ давно пойманъ мною въ верховьяхъ Закана, но онъ отличался отъ этихъ двухъ еще болѣе свѣтлымъ желтовато-блѣлымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти чисто-блѣлымъ основнымъ цвѣтомъ; по нему также были разбросаны яркія чисто-черные крупные пятна, напоминающія блескомъ и цвѣтомъ черный бархатъ. Эта змѣя по своему цвѣту была очень похожа на *Vipera xanthina* Gray, водящуюся въ Ма-

лой Азии, Сирії, Персії и Закавказскомъ краѣ, но рѣзко отличалась отъ нея тѣмъ, что у этой гадюки темя покрыто правильно и симметрично расположеными щитками, а у *Vipera xanthina* мелкими чешуйками. Кромѣ того, они отличаются и другими признаками *).

*) Подробное описание *Vipera xantina* съ указаніемъ ея отличительныхъ признаковъ находится въ сочиненіи А. А. Штрауха «Die Schlangen des Russischen Reichs. Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersb. VII serie, tome XXI, № 4. Этимъ сочиненіемъ пользовался главнымъ образомъ и я при опредѣленіи видовъ *Vipera*.

Лабенка. Спустя еще минутъ 15-20 надъ нами было уже чистое темно-синее небо, на которомъ блестѣло яркое солнце; надъ ущельемъ-же Лабенка клубились густыя тучи, блистали молніи, раздавались раскаты грома и лиль сильнейшій дождь. Когда я взглянулъ на гребень, по которому мы пробирались часа три тому назадъ, и на хребетъ Магишо, то они оказались совсѣмъ бѣлыми: на нихъ выпалъ снѣгъ въ то время, когда настъ мочилъ дождь.

Спускаться съ горы намъ пришлось при блескѣ заходящаго солнца и ясномъ небѣ; но въ это время стоило коснуться какой-нибудь вѣтки или деревца, чтобы съ него потекли на насъ цѣлые потоки воды. Съ высокой травы и бурьяна, который достигъ здѣсь роста человѣка, лилось на насъ воды еще больше, чѣмъ съ деревьевъ и кустовъ; поэтому добрались мы до лагеря совсѣмъ мокрыми.

Часовъ въ 7 пополудни мы были уже на умпирской полянѣ. Въ теченіе всего вечера стояла отличная погода и, когда мы ложились спать, на небѣ блестѣли яркія звѣзды. Такимъ образомъ, въ этотъ день погода намъ въ общемъ благопріятствовала и барометръ, слѣдовательно, не обманулъ настъ; бурю-же, продолжавшуюся всего лишь полчаса, можно и не принимать въ разсчетъ.

Другая поѣзда съ Умпиря была предпринята мною на переваль, ведущій изъ долины М. Лабы въ долину Закана, впадающаго въ Б. Лабу. Изъ подъ этого перевала вытекаетъ и рѣчка Умпирь. Выѣхалъ я изъ лагеря вмѣстѣ съ двумя егерями, которыхъ управляющій Кубанской Охотой послалъ объѣхать верховья Умпиря и посмотретьъ, не охотятся ли тамъ горцы, пасущіе свой скотъ на горныхъ лугахъ. Выѣхали мы въ полдень; передъ вечеромъ настъ засталъ на дорогѣ дождь и принудилъ остановиться и ночевать на одной изъ большихъ полянъ правой стороны долины Умпиря. Здѣсь я невольно обратилъ вниманіе на необыкновенно крупный оранжеваго цвѣта макъ, который, сколько помню, никогда не попадался мнѣ въ другихъ мѣстахъ Кавказа. Въ этотъ же день мнѣ пришлось видѣть въ долинѣ Умпиря тиссъ или ногной (*Taxus baccata L.*), который достигаетъ здѣсь довольно значительной высоты и толщины почти въ обхватъ. На слѣдующій день рано утромъ мы отправились дальше, вверхъ по Умпирю. Проѣзжая по полянамъ, заросшимъ болѣшимъ бурьяномъ, мы нѣсколько разъ вспугивали ланей. Такъ какъ на нихъ здѣсь никогда не охотятся, то онѣ часто подпускаютъ къ себѣ человѣка

на самое близкое разстояніе, а нѣкоторыя изъ нихъ выскакивали изъ бурьяна чуть не изъ-подъ ногъ нашихъ лошадей. Одна ланка такимъ образомъ не на шутку испугала мою лошадь, которая такъ сильно бросилась въ сторону, что я едва усидѣлъ въ сѣдлѣ. Приблизительно въ полдень мы были на перевалѣ. Онъ поднимается значительно выше верхней границы лѣсовъ и покрытъ болѣе или менѣе тощей травой, къ которой примѣшивается много мховъ и лишайниковъ. Нѣсколько ниже перевала находится большое пространство, густо заросшее рододендронами. На этой высотѣ встрѣчается только одинъ видъ ихъ, именно *Rhododendron Caucasicum*. На болѣе тѣнистыхъ мѣстахъ рододендроны были еще покрыты множествомъ крупныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Рядомъ съ этими рододендронами и выше ихъ лежали порядочныя массы снѣга, а около нихъ цвѣли хорошенѣкіе маленькие альпійскіе цвѣточки, какъ, напр., *Gentiana Pyrenaica* съ чудными синими одиночными цвѣтками, камнеломки (*Saxifraga*), роговикъ (*Cerastium*), *Draba tridentata*, *Veronica* и нѣкоторые другіе.

Съ этого перевала можно любоваться красивыми видами на цѣлый лабиринтъ горныхъ ущелій и хребтовъ. Они сильно напоминаютъ тѣ картины, которыя открываются съ гребня горъ, ограничивающихъ долину Умпиря съ сѣверной стороны, но отличаются тѣмъ, что отсюда видна еще безконечная панорама на восточное продолженіе Главнаго Кавказскаго хребта, гдѣ горы достигаютъ значительно большей высоты и покрыты гораздо большими массами вѣчныхъ снѣговъ.

Съ Умпирскаго перевала мы спустились тысячи на полторы футовъ въ долину Закана, рѣшивъ переночевать гдѣ-нибудь вблизи лѣса на восточномъ склонѣ хребта Магишо. Тропинка здѣсь идетъ косогоромъ, пересѣкая и огибая нѣсколько крутыхъ балокъ. Съ нея хорошо видны верховья Закана, гдѣ онъ вѣрообразно раздѣляется на множество отдѣльныхъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ очень многихъ довольно порядочныхъ снѣжныхъ полей, и долина Б. Лабы, покрытая дремучими хвойными лѣсами. Спускаясь по этой тропѣ, мы увидѣли вдали большого дикаго кабана, который на нашихъ глазахъ скрылся въ отдаленной небольшой балкѣ, заросшей лѣсомъ, и не выходилъ изъ нея. Мы рѣшили устроить на него облаву, при чёмъ я долженъ былъ зайти снизу, со стороны лѣса, а мои спутники пугнуть кабана отъ верховьевъ балки. Охота наша, однако, не удалась, такъ какъ кабанъ выскочилъ изъ балки прежде, чѣмъ мы успѣли занять свои мѣста. При

спускъ съ перевала мы вспугнули штукъ пять горныхъ тетеревовъ, видѣли много альпийскихъ воронъ, снигирей, дроздовъ-дерябъ, грифовъ, въ томъ числѣ грязного сипа (*Neophron percnopterus L.*), и въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышали крикъ горныхъ индѣекъ.

Часа въ два пополудни мы сдѣлали привалъ верстахъ въ 4 отъ перевала и недалеко отъ опушки лѣса. Вокругъ насы разстилались пышные горные луга, на которыхъ горцы еще не успѣли выбить траву своей барантой; на нихъ росли рѣдкія деревья, главнымъ образомъ пихты, сосны, осины и красивый, съ красными, какъ кровь, летучками горный кленъ (*Acer Trautvetteri Medw.*). Подъ однимъ такимъ кленомъ мы разбили палатку. На разстояніи около версты отъ насъ поднимались отвѣсной стѣнкой высокія и крутыя скалы хребта Магишио. Напившись чаю и отдохнувъ послѣ довольно продолжительной Ѣзды, я думалъ отправиться съ однимъ изъ егерей поискать кабановъ или медведей, но въ это время пошелъ дождь, который заставилъ насъ безвыходно просидѣть въ палаткѣ нѣсколько часовъ. Онъ не переставалъ въ теченіе цѣлаго вечера и почти всей ночи.

На слѣдующій день погода была еще хуже. Съ ранняго утра по всѣмъ высокимъ горамъ ползали густыя свинцово-серые тучи, а часамъ къ семи онѣ разрослись настолько, что закрыли почти всѣ вершины горъ; еще нѣсколько позднѣе густой туманъ спустился внизъ, окуталъ нашу стоянку и все окружающее насть пространство. Вскорѣ пошелъ и дождь, который съ небольшими перерывами продолжался до самаго вечера. Весь день мы должны были сидѣть какъ во тьмѣ. Хотя у меня не было здѣсь особенного дѣла, ноѣхать отсюда назадъ, на Умпирь, въ такую погоду, да еще черезъ высокій переваль, было невозможно; приходилось волей-неволей оставаться на мѣстѣ до слѣдующаго дня и ждать лучшей погоды. За часъ до захода солнца она вдругъ начала быстро измѣняться: горы стали освобождаться отъ тучъ и облаковъ, между ними показалось темно-синее небо, выглянуло солнце и облило своими лучами горы. Въ это время передъ нашими глазами открылась такая дивная картина, которая своей красотой превосходила большую часть самыхъ лучшихъ видовъ, встрѣчавшихся мнѣ во время путешествій по наиболѣе высокимъ мѣстамъ Кавказа. Особенную красоту придавало ей необыкновенно эффектное освѣщеніе косыми лучами заходящаго солнца. Широкая, просторная долина Б. Лабы и преимущественно та часть ея, которая покрыта дремучими хвойными лѣсами и

извѣстна подъ именемъ Загдана, была превосходно видна на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Вдали, гдѣ кончались лѣса, эта долина замыкалась гигантскимъ барьеромъ остроконечныхъ зубчатыхъ скаль Главнаго Кавказскаго хребта. Онѣ были испещрены широкими полосами снѣга, между которыми лежали кромѣ того большія снѣжныя и глетчерныя поля. Все это было освѣщено солнцемъ необыкновенно ярко и какъ будто бы горѣло въ огнѣ; самое-же дно долины, начиная отъ подножья замыкающихъ ее скалъ, было наполнено густыми клубящимися облаками. По обѣимъ сторонамъ этой долины тянулись высокія горы, внизу покрытыя лѣсомъ, а наверху горными лугами, надъ которыми громоздились еще высокія обрывистыя скалы. Всѣ вершины ихъ и большая часть склоновъ также были залиты необыкновенно яркимъ золотисто-желтымъ свѣтомъ заходящаго альпийского солнца. Темными и мрачными представлялись лишь густые хвойные лѣса, растущіе по дну долины и наиболѣе низкимъ мѣстамъ ея. Когда солнце садилось, долины постепенно наполнялись синеватой полупрозрачной мглой, а окаймляющіе ихъ гребни горъ еще съ четверть часа продолжали блестѣть, залитые лучами солнца. Почти въ это-же время изъ-за горъ надъ верховьями Лабы показалась полная луна и облила горы своимъ магическимъ свѣтомъ.

На слѣдующее утро погода была прекрасная. Часа три мы употребили на осмотръ окрестностей нашей стоянки, а затѣмъ отправились въ обратный путь. Не доѣзжая до перевала, ведущаго въ долину Умпиря, мы свернули влево, проѣхали на югъ версты полторы и здѣсь оставили лошадей. Отсюда мы отправились пѣшкомъ вдоль хребта, ограничивающаго долину Умпиря съ юго-восточной стороны. Это и есть хребетъ Луганъ. Гребень его состоитъ частью изъ скалъ, частью изъ осипей, на которыхъ лежать во многихъ мѣстахъ сугробы снѣга, но растительность на немъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ на хребтѣ, ограничивающемъ долину Умпиря съ правой стороны. Здѣсь часто попадались крошечныя генцианы (*Gentiana Ruprenaica*), желтые фіалки (*Viola Altaica*), *Campanula*, *Gnaphalium*, много мховъ, лишайниковъ и т. д.; на обращенной же къ сѣверу тѣнейной сторонѣ этого хребта кавказской рододендронъ образуетъ густыя сплошныя заросли, которыхъ тянутся на цѣляя версты. Здѣсь-же мы видѣли горныхъ индѣекъ, стадо сернъ и очень много турьихъ слѣдовъ, но сами туры отсюда уже перекочевали, такъ какъ на склонахъ Лугана, обра-

щенныхъ къ Закану, карачаевскіе пастухи уже пасли своихъ овецъ. Что касается ледниковъ, то ни здѣсь, ни на сосѣднихъ съ Луганомъ хребтахъ мы ихъ не видѣли вовсе.

Когда мы находились на гребнѣ Лугана, то небо снова начало покрываться тучами. Мы поспѣшили къ своимъ лошадямъ и благополучно добрались до нихъ, но на перевалѣ, ведущемъ въ долину Умпиря, насъ снова застала сильнейшая гроза съ проливнымъ дождемъ. Мы, не садясь на лошадей, спустились съ перевала сажень на 150 и здѣсь рѣшили переждать дождь. Вокругъ на насъ сверкали молніи, а оглушительные удары грома раздавались надъ самыми ушами. Нѣкоторые изъ нихъ были необыкновенно сильны и сопровождались какимъ-то особенно рѣзкимъ и непріятнымъ трескомъ и раскатами. Очевидно, и теперь мы находились почти въ центрѣ грозовой тучи и не могли не опасаться, чтобы одна изъ молній не задѣла насъ. Мы съ полчаса стояли на мѣстѣ въ буркахъ и башлыкахъ, каждый около своей лошади, до тѣхъ поръ, пока ливень не смѣнился мелкимъ дождемъ. Дальше по долинѣ Умпиря мыѣхали прежней нашей дорогой и къ вечеру благополучно добрались до охотничьяго лагеря, находящагося на умпирской полянѣ.

Съ Умпиря была совершина мною поѣздка и на «Кочергу». Я всталъ очень рано и, когда еще не совсѣмъ разсвѣло, отпрыгнулъ въ путь вмѣстѣ съ двумя проводниками. Полтора часа мнѣ пришлось подниматься по крутой извилистой тропинкѣ верхомъ на лошади, мои-же проводники весь этотъ путь прошли пѣшкомъ. Тамъ, где начинаются березняки и подъемъ становится еще круче, я слѣзъ съ лошади и отправилъ ее съ однимъ изъ своихъ спутниковъ назадъ, на Умпирь, а съ другимъ пошелъ дальше. Послѣ этого мнѣ пришлось еще почти цѣлый часъ карабкаться на гору, прежде чѣмъ мы выбрались на гребень Кочерги. Обратный путь по этой-же дорогѣ я рѣшилъ совершить пѣшкомъ.

Гребень Кочерги очень узокъ и сильно заостренъ. Онъ представляетъ почти непрерывный рядъ невысокихъ зубчатыхъ скалъ и состоитъ изъ болѣе или менѣе выѣтревшихъ и легко разрушающихся гранитовъ и кварцитовъ. Только въ самой восточной части этотъ гребень замѣтно притупляется, сплошь покрываясь травой съ разбросанными по ней рѣдкими деревьями. Оба склона Кочерги очень круты и сильно отличаются другъ отъ друга по своей растительности. На сѣверномъ склонѣ, тотчасъ за гребнемъ хребта, тянутся на цѣлую версты сплошныя густыя

заросли кавказскаго рододендрона; подъ ними находится широкій поясъ березняковъ, а еще дальше высокоствольные лѣса, состоящіе главнымъ образомъ изъ пихты, ели и букі. Кое-гдѣ попадаются здѣсь можжевельники и вороница (*Empetrum nigrum*), а кавказская черника (*Vaccinium Arctostaphylos L.*) во многихъ мѣстахъ также образуетъ почти сплошныя заросли высотою въ ростъ человѣка. Преобладающей лѣсной породой для этой мѣстности надо считать кавказскую пихту (*Abies Nordmanniana Stev.*). Горныхъ луговъ на сѣверномъ склонѣ очень мало, а кое-гдѣ на немъ лежать сугробы снѣга. Совершенно противоположнымъ характеромъ отличается южный склонъ Кочерги. Здѣсь на широкомъ пространствѣ тянутся до самаго гребня хребта прекрасные горные луга изъ различныхъ альпійскихъ травъ высотою болѣе чѣмъ по колѣно. По этимъ лугамъ разбросано много яркихъ цветовъ и мѣстами красуются рѣдкія сосновыя рощи. Ниже горныхъ луговъ растутъ лѣса, состоящие преимущественно изъ сосны, къ которой примѣшиваются пихта и различные лиственныя породы.

Пробираясь по самому гребню Кочерги, мы видѣли, но очень далеко, одного медвѣдя и много сернъ. Послѣднія паслись довольно низко, вблизи лѣса и березовыхъ зарослей, и, очевидно, уже собирались отправиться на отдыхъ. Вблизи гребня Кочерги я наткнулся на крупную ярко-окрашенную ядовитую змѣю. Основной цвѣтъ ея былъ рыжевато-блѣлый и, кромѣ того, бока и спина испещрены черными, какъ уголь, крупными пятнами. Это былъ первый добытый мною на Сѣверномъ Кавказѣ экземпляръ *Vipera xanthina* Gray. Когда я старался посадить ее въ стеклянку, она выбросила изо рта небольшую мышь, недавно ею проглоченную, и нѣсколько разъ съ яростью кусала мою палку. Я думалъ, что она поломаетъ свои тонкіе длинные ядовитые зубы, но они оказались совершенно неповрежденными. Длина этой змѣи равнялась полутора футамъ.

Съ Кочерги открываются очень красивыѣ виды на долину Ачишты, на Ятыргварту (9061 ф.) съ ея отрогами и многія другія горы. По гребню Кочерги мы прошли довольно далеко, именно до того мѣста, где она поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ югу. Здѣсь мы просидѣли часа два, любуясь горами и разматривая ихъ то въ бинокль, то въ подзорную трубу, а затѣмъ отправились въ обратный путь. Внизъ по гребню хребта мы прошли почти незамѣтно, такъ какъ итти было очень удобно и легко,

но спускъ съ хребта мнѣ показался безконечнымъ. Вѣроятно, это произошло главнымъ образомъ по той причинѣ, что половину его намъ пришлось пройти послѣ захода солнца, когда уже порядочно стемнѣло, а въ густомъ лѣсу почти ничего не было видно. Послѣднія версты двѣ мы шли уже совсѣмъ ночью, ощущая ногами дорогу, натыкаясь на пеньки или камни и спотыкаясь. На спускъ съ Кочерги мы употребили часъ и три четверти, причемъ нигдѣ не отдохали ни минуты, и въ половинѣ девятаго пришли на Умпирь. Порядочно измучились мы отъ жажды, такъ какъ на Кочергѣ вовсе нѣтъ воды, а той, которую мы захватили въ своей фляжкѣ, было для двоихъ настъ очень недостаточно.

Наиболѣе интересная поѣзда съ Умпиря была предпринята нами къ верховьямъ Лабенка, на переваль Аишхо, находящійся на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ, и къ истокамъ Мзымы. Тропинка отъ Умпиря къ этимъ мѣстамъ идетъ вверхъ по ущелью М. Лабы, вдоль лѣваго берега ея, то надъ самой рѣкой, то на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Вблизи Умпиря она переходитъ черезъ Ачишту, имѣющую здѣсь сажени 2 или 3 въ ширину, а за Ачиштой вступаетъ въ чудный хвойный лѣсъ, состоящей изъ гигантскихъ пихтъ и елей (*Picea Orientalis Carr.*). Многія изъ нихъ достигаютъ трехъ обхватовъ въ толщину и огромной высоты, вѣроятно, не менѣей 80 или 90 аршинъ. Букъ встрѣчается здѣсь тоже въ значительномъ количествѣ и, кроме того, часто попадаются мѣста, густо заросшія исключительно молодыми осинами и березами. Очень много въ этомъ ущельѣ жасмина, смородины, крыжовника и малины. Послѣдняя на мѣстахъ, хорошо согрѣваемыхъ солнцемъ, была унизана спѣлыми плодами, которыми мы здѣсь и пользовались въ изрядномъ количествѣ. По каменистымъ мѣстамъ въ этомъ ущельѣ растетъ очень много кавказской черники (*Vaccinium Arctostaphylos L.*), листья которой употребляются жителями ближайшихъ станицъ и поселковъ какъ чай. Папоротниковъ тоже очень много. Вообще растительность этого влажнаго ущелья болѣе или менѣе сильно напоминаетъ растительность мѣсть, лежащихъ между Чернорѣчьемъ и Умпиремъ, но здѣсь сильно преобладаютъ хвойныя насажденія, а деревья, любящія болѣе теплый климатъ, какъ, напр., яблони, груши, боярышникъ, отсутствуютъ совершенно. Господствующей лѣсной породой и въ этой мѣстности надо считать кавказскую пихту.

Отъ Умпиря до впаденія въ М. Лабу рѣчки Цахвоа тянется болѣе или менѣе сносная, хотя мѣстами и грязная тропинка;

выше же этого мѣста она сразу становится прескверной, а мѣстами и довольно опасной. Крутые подъемы и спуски попадаются на ней почти на каждомъ шагу. Кроме того, во многихъ мѣстахъ она такъ завалена камнями, что лошадь съ трудомъ выбираетъ мѣсто, куда можно было бы ступить. Часто эта тропинка вѣтается надъ такими кручами, свалившись съ которыхъ едвали можно остатся въ живыхъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней стоитъ топкая грязь, которая въ это лѣто, вслѣдствіе почти ежедневныхъ дождей, сдѣлалась мѣстами очень глубокой. Теченіе Лабенка здѣсь гораздо быстрѣе, чѣмъ вблизи Умпиря, и прерывается множествомъ красивыхъ водопадовъ. Во многихъ мѣстахъ рѣчка съ страшнымъ ревомъ прорывается между громадными свалившимися съ сосѣднихъ горъ каменными глыбами. Паденіе ея въ этой части ущелья равняется среднимъ числомъ 80 футамъ на одну версту; вода въ ней имѣеть чудный голубой цвѣтъ. У водопадовъ она блѣдая и блеститъ какъ серебро.

Верстахъ въ 10 отъ Умпиря, на горѣ Цахвоа, находящейся вблизи сѣверной оконечности упомянутаго уже хребта, который раздѣляетъ ущелья М. Лабы и р. Цахвоа, находится довольно много снѣга и одинъ короткій, но широкій фирнъ-глетчеръ. Ледъ или обледенѣлый снѣгъ образуетъ здѣсь довольно толстый пластъ и оканчивается отвеснымъ уступомъ, обращеннымъ къ долинѣ Лабенка. По сторонамъ этого фирнъ-глетчера лежать еще широкія полосы снѣга. Очень высокая гора Цахвоа хорошо видна не только изъ Псебая, но и изъ мѣсть, лежащихъ къ сѣверу отъ него. Она имѣеть высоту въ 10969 фут. и, следовательно, принадлежитъ къ наиболѣе высокимъ въ этой мѣстности. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, на хребтѣ, идущемъ съ правой стороны ущелья М. Лабы, находятся еще два глетчера значительно большихъ размѣровъ. Густой лѣсъ мѣшааетъ хорошо разсмотрѣть ихъ съ тропинки; но несравненно лучше видны они съ ветеринарного поста, на который мы должны были пріѣхать часа черезъ два. Поэтому я скажу о нихъ подробно при описаніи окрестностей этого поста.

За нѣсколько верстъ до поста тропинка, ведущая къ нему, становится просто отвратительной. Она пересекается множествомъ крутыхъ и обрывистыхъ балокъ и балочекъ, тянется по скользкимъ косогорамъ и, кроме того, во многихъ мѣстахъ сильно размыта водой; грязи на ней было также немало. Я почти всю ее прошелъ пѣшкомъ. Всѣмъ намъ она надоѣла страшно. На пере-

ѣздѣ отъ Умыры до ветеринарнаго поста мы употребили пять часовъ и несказанно обрадовались, увидѣвъ наконецъ его. Насъ принялъ очень радушно проживавшій здѣсь по дѣламъ службы ветеринарный врачъ П. А. Петровъ, мой хороший знакомый. Для него въ этомъ мѣстѣ выстроенъ маленький деревянный домикъ въ одну комнату, а для стражниковъ деревянный баракъ.

Постъ этотъ находится около самаго берега Лабенка посреди небольшой поляны, расположенной на днѣ узкаго глубокаго ущелья на высотѣ 5000 ф. надъ уровнемъ моря. Отъ перевала Аишхо онъ отстоитъ верстъ на 8. Горы, который тянутся по сторонамъ ущелья около поста, очень высоки и также покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ пихтъ довольно крупныхъ размѣровъ. Надъ этими лѣсами громоздятся высокія крутые скалы, а кое-гдѣ находится кромѣ того довольно широкая полоса горныхъ луговъ. На полянѣ около поста также растутъ стройныя пихты и горный кленъ (*Acer Trautvetteri Medw.*).

Верстахъ въ двухъ ниже поста въ Лабенокъ впадаетъ среднихъ размѣровъ горная рѣчка. Довольно прямая долина ея на значительномъ протяженіи покрыта хвойными лѣсами и березовыми зарослями и имѣть верстъ 8 въ длину. Я хорошо видѣлъ ее съ горъ, находящихся вблизи ледника, изъ котораго вытекаетъ западный истокъ М. Лабы. Недалеко отъ верховьевъ рѣчки долина ея раздѣляется на три большихъ и нѣсколько меньшихъ балокъ, начинающихся на склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта. Въ нихъ лежать довольно порядочныя снѣжныя поля, но нѣть вовсе ледниковъ. Одинъ стражникъ, которому недавно пришлось побывать въ долинѣ этой рѣчки, также говорилъ мнѣ, что въ верховьяхъ ея находятся только снѣжныя поля, довольно пологія и лишенныя трещинъ, но нигдѣ не видно настоящаго, синяго, по его словамъ, льда. Вытекаетъ эта рѣчка изъ Главнаго Кавказскаго хребта верстахъ въ 3 къ востоку отъ горы Аишхо.

Постъ занимаетъ не особенно хорошее мѣстоположеніе: его черезчуръ сильно тѣснить со всѣхъ сторонъ горы и лѣсъ. Но великимъ украшеніемъ ему служатъ тѣ два глетчера, о которыхъ я уже упоминалъ недавно. Хотя они отстоятъ отъ поста версты на четыре, но въ ясную погоду видны превосходно. Они свѣшиваются съ высокаго хребта, находящагося по правую сторону ущелья маленькой рѣчки, которая впадаетъ въ Лабенокъ съ правой стороны верстахъ въ 5 ниже поста. Ледники главнымъ образомъ и пита-

ютъ эту рѣчку. Одинъ изъ нихъ имѣть довольно порядочныя размѣры. Верхняя часть его очень полога, тянется почти съ востока на западъ и почти сплошь покрыта снѣгомъ, изъ подъ котораго только кое-гдѣ проглядываетъ синеватый ледъ. Эта часть ледника имѣть въ длину, вѣроятно, версты полторы. Трещинъ на ней почти нѣть, а по обѣимъ сторонамъ ея тянутся высокіе гребни изъ черныхъ остроконечныхъ зубчатыхъ скалъ, очень изящно украшенныхъ извилистыми полосами снѣга, который на черномъ фонѣ скалъ выдѣляется очень рельефно. Спустившись до крутого уступа горы, ледникъ перегибается черезъ него, поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ вправо и принимаетъ направленіе почти съ Ю. на С. Здѣсь онъ пересѣкается множествомъ глубокихъ трещинъ, большая часть которыхъ совпадаетъ съ мѣстомъ наиболѣе сильнаго перегиба ледника. На этомъ порогѣ ледникъ уже не покрытъ снѣгомъ и имѣть настоящій голубоватый или зеленовато-голубой цвѣтъ льда. Выступомъ скалы онъ раздѣляется въ этомъ мѣстѣ на два языка. Лѣвый изъ нихъ (если смотрѣть внизъ) гораздо шире праваго, но оба они спускаются до одной высоты и оканчиваются на крутыхъ почти голыхъ скалахъ, которые лишь кое-гдѣ покрыты тощими березовыми кустиками. Судя по этому, можно думать, что ледникъ оканчивается на высотѣ около 7 или $7\frac{1}{2}$, тысяча футовъ. Онъ смѣло можетъ быть отнесенъ къ ледникамъ второго разряда. Вся длина его равняется, вѣроятно, верстамъ 2 или $2\frac{1}{2}$. Величиною онъ, вѣроятно, превосходитъ прочіе ледники верховьевъ М. Лабы. Изъ него вытекаетъ рѣчка длиною версты въ 4. Она имѣть громадное паденіе и вся состоитъ изъ водопадовъ.

Рядомъ съ этимъ ледникомъ располагается другой, имѣющій въ нѣсколько разъ меньшіе размѣры и представляющій въ сущности обледенѣлое снѣжное поле или фирнъ-глетчерь. Длина его только раза въ три превосходитъ ширину, а спускается онъ лишь до того крутого уступа горы, гдѣ первый ледникъ образуетъ упомянутый перегибъ. Около этого глетчера также лежить нѣсколько широкихъ и узкихъ полосъ снѣга; онъ спускаются даже значительно ниже глетчера. Изъ подъ нижняго конца этого послѣдняго вытекаетъ до десятка быстрыхъ горныхъ потоковъ, которые впадаютъ въ рѣчку, получающую начало изъ первого глетчера. Между обоими глетчераами поднимаются очень крутыя высокія черные скалы, также украшенныя полосами и пятнами снѣга.

Лѣвѣе меньшаго глетчера, на одной съ нимъ высотѣ, на-

ходится красивая покрытая зеленою травой балка съ пологими склонами, въ особенности въ нижней ея части. Въ ней лежить довольно порядочное снѣжное поле, а также полосы и пятна снѣга; но всѣ они, какъ говорили мнѣ стражники, къ концу лѣта стаиваются совершенно. Балка эта, также какъ и ледникъ, очень трудно доступна, потому что обрывается къ рѣчкѣ такимъ крутымъ уступомъ, по которому подняться человѣку почти невозможно.

На посту мы видѣли снигирей, горныхъ плисокъ, горныхъ ослянокъ (*Emberiza sia*), кукушекъ и черноголовыхъ соекъ (*Garrulus Krinickii Bogd.*). Я забылъ еще сказать, что по дорогѣ отъ Умпиря къ посту мы вспугнули трехъ вальдшнеповъ и одного изъ нихъ недалеко отъ поста. Нѣсколько штуку ихъ я видѣлъ въ долинѣ Мзымы, а егеря Кубанской Охоты говорили мнѣ, что на умпирской полянѣ въ сумерки, въ лѣтнее время, имъ не разъ приходилось видѣть перелеты вальдшнеповъ, напоминающіе тягу. Наконецъ, управляющей Кубанской Охотой Э. К. Ютнеръ наблюдалъ здѣсь настоящую тягу вальдшнеповъ, сопровождающуюся извѣстнымъ крикомъ ихъ («корканьемъ и циканьемъ»), и охотился за ними въ юнѣ во время тяги, дѣлая по нѣсколько выстрѣловъ въ вечеръ. Тяга бываетъ здѣсь въ маѣ и юнѣ. Все это доказываетъ, что вальдшнепы въ этихъ мѣстахъ гнѣздаются. Немало удивило меня присутствіе на посту, на высотѣ 5000 фут., летающихъ вечеромъ и ночью свѣтляковъ (*Lamprygus splendens*).

Съ поста мы предприняли сначала недалекую поѣздку къ леднику, находящемуся въ верховьяхъ самаго западнаго истока Лабенка, а затѣмъ уже на переваль Аишхо и къ верховьямъ Мзымы.

Переночевавъ на посту, на слѣдующій день, часовъ въ 11 утра, мы отправились въ путь. Чтобы дать отдохнуть своимъ лошадямъ, мы оставили ихъ на посту, а для поѣздки къ леднику наняли на полтора дня трехъ лошадей у ветеринарныхъ стражниковъ. Намъ надо было проѣхать всего лишь нѣсколько верстъ, но по очень скверной дорогѣ, и, кроме того, переправиться вбродъ черезъ 2-3 рѣчки. Оставивъ влѣво тотъ истокъ М. Лабы, который вытекаетъ изъ-подъ Аишхо, мы направились вверхъ по долинѣ западнаго истока ея. Онъ шире и многоводнѣе, чѣмъ первый, имѣть всего лишь версты три въ длину и начинается въ красивой котловинѣ, обставленной почти со всѣхъ сторонъ очень высокими горами. Особенно высокъ тотъ гребень,

который ограничиваетъ котловину эту съ сѣверо-западной стороны и отдѣляетъ ее отъ ущелья одного изъ истоковъ Уруштена. Широкое и ровное дно этой обширной котловины имѣть очень слабый наклонъ къ востоку и представляетъ роскошный альпійскій лугъ, усыпанный безчисленнымъ множествомъ пышныхъ гераній (*Geranium pratense*), астрантій (*Astrantia helleborifolia* и *A. Biebersteiniana*), аконитовъ (*Aconitum Orientale*), буковицъ (*Betonica grandiflora*), блѣдно-розовыхъ *Polygonum Bistorta*, генцианъ и т. д. Но особенно много здѣсь красивыхъ и пахучихъ крупныхъ незабудокъ. Ихъ въ четверть часа можно было бы набрать не букетъ, а цѣлую вязанку. Снѣга—остатки свалившихся зимою и весною лавинъ—видны во многихъ мѣстахъ на склонахъ горъ, а кое-гдѣ они спускаются даже до самаго дна котловины. По сторонамъ ихъ растутъ березовыя заросли и густыя заросли кавказскаго рододендрона (*Rhododendron Caucasicum*). Рѣчка, вытекающая изъ ледника, разбившись на нѣсколько рукавовъ, извивается по дну котловины. Въ нее впадаетъ еще нѣсколько довольно большихъ горныхъ ручьевъ, получающихъ начало на склонахъ горъ, которыя ограничиваются съ боковъ котловину. Всѣ они текутъ довольно медленно вслѣдствіе слабой покатости дна долины. Посрединѣ ея, приблизительно въ верстѣ отъ нижняго конца ледника, мы разбили свою палатку. Высота этого мѣста, по приблизительному опредѣленію, равняется 6500 ф. надъ уровнемъ моря. Съ него открывается, между прочимъ, прекрасный видъ на тѣ два ледника, которые находятся недалеко отъ поста. На этомъ мѣстѣ мы должны были переночевать, чтобы на слѣдующій день съ разсвѣтомъ предпринять восхожденіе на упомянутый уже очень высокій хребеть, ограничивающій съ лѣвой стороны долину этого истока Лабенка, и, кромѣ того, побывать на леднике. Мои болѣе молодые и нетерпѣливые спутники задумали подняться на этотъ хребеть, не дожидаясь слѣдующаго утра, и отправились часа за три до захода солнца въ путь, несмотря на то, что я указывалъ имъ на невозможность совершиТЬ восхожденіе на этотъ высокій гребень въ такое короткое время. Сначала они пошли очень быстро, потомъ значительно тише и закончили восхожденіе тѣмъ, что, не добравшись и до половины горы, повернули назадъ.

На слѣдующій день съ разсвѣтомъ на эту же гору отправился я, Г. С. В. и одинъ изъ нашихъ проводниковъ. Подъемъ былъ очень круты и страшно длиненъ; кромѣ того, онъ пересѣкалъ

ся во многихъ мѣстахъ хотя и небольшими, но очень обрывистыми балками, перебираться черезъ которыхъ было не легко. При началѣ подъема мы встрѣтили довольно богатую растительность изъ различныхъ травъ, достигавшихъ роста въ поясъ человѣка и даже выше; здѣсь-же попадались заросли рододендроновъ. Но, чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ растительность становилась все бѣднѣе и бѣднѣе, а уже на половинѣ горы вмѣсто высокихъ травъ и бурьяновъ появились приземистыя *Draba scabra*, *Dryas octopetala* съ довольно крупными цветками, *Saxifraga exarata*, *S. muscoides*, *S. cartilaginea*, *Cerastium*, чудная темно-синія генціаны (*Gentiana* *Rugosa*), желтая фіалки (*Viola Altaica*), *Fritillaria latifolia* и т. д. На этихъ-же мѣстахъ, гдѣ каждую ночь бываетъ морозъ и зима властвуетъ въ продолженіе мѣсяцевъ девяти, я снова наткнулся на очень толстую и ярко окрашенную гадюку (*Vipera xanthina* Gray), грѣвшуюся на солнцѣ. Она оказалась очень злой и нѣсколько разъ съ остерьвеніемъ хваталась своими ядовитыми зубами за палку, прежде чѣмъ мнѣ удалось сдѣлать ей уколъ въ голову кончикомъ ножа и посадить ее полуживою въ мѣшочекъ, бывшій у меня въ карманѣ. Основной цветъ этой гадюки былъ также свѣтло-рыжій, даже рыжевато-блѣлый, и по нему располагались правильными рядами кругляя на бокахъ и продолговатыя на спинѣ черныя, какъ уголь, пятна. Нижняя сторона этой змѣи синевато-черная съ мелкими почти блѣлыми пятнами и полосками.

Другая интересная находка этого дня заключалась въ попадавшихся намъ почти на каждомъ шагу слѣдахъ, которые оставлены въ этой долинѣ древними ледниками. Обтертые, поцарапанные и отшлифованные льдомъ утесы, такъ называемые «бараны лбы» (*roche moutonnée*) и «курчавыя скалы» при восхожденіи на гору мы встрѣчали въ очень многихъ мѣстахъ. Такія скалы я замѣтилъ еще вчера по дорогѣ отъ поста къ нашей стоянкѣ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ два истока Лабенка сливаются вмѣстѣ, надъ самой тропой находится цѣлая гора, сильно обтертая льдомъ и представляющая настоящую «курчавую скалу». Подобныя-же скалы, хотя гораздо меньшихъ размѣровъ, находятся и въ другихъ мѣстахъ по сторонамъ этой тропинки. Очень много ихъ я встрѣтилъ при восхожденіи на гору на высотѣ сажень 50 надъ дномъ долины, а еще больше при дальнѣйшемъ восхожденіи, на значительно большей высотѣ. Находятся онѣ и на противоположной сторонѣ долины, но

еще больше ихъ вблизи нижняго конца ледника, изъ которого получаетъ начало этотъ истокъ Лабенка. Во многихъ мѣстахъ здѣсь довольно ясно замѣты и древнія морены. Все это показываетъ, что въ ледниковый периодъ почти вся эта долина была наполнена глетчерами, которые спускались въ нее какъ съ Главнаго Кавказскаго хребта, такъ и съ горъ, ограничивающихъ ее съ боковъ.

Подъемъ на хребетъ вмѣстѣ съ очень непродолжительными остановками продолжался шесть часовъ. Когда до вершины гребня оставалось съ часъ ходьбы, намъ пришлось перебираться черезъ снѣгъ и очень обрывистыя скалистыя балки. За ними потянулись осыпи, по которымъ мы поднимались еще не менѣе получаса. Гребень хребта былъ отъ насъ, повидимому, въ нѣсколькоихъ десяткахъ сажень, но разстояніе до него во время нашего восхожденія сокращалось крайне медленно, несмотря на то, что подъ конецъ мы шли, останавливаясь лишь на самое короткое время для того только, чтобы перевести духъ. Наконецъ, послѣ тяжелыхъ трудовъ и долгаго ожиданія мы очутились на самомъ гребнѣ хребта. Чудные виды, которые открылись въ это время передъ нашими глазами, послужили вознагражденіемъ за наши труды. Отсюда я увидѣлъ множество горъ, долинъ и ущелій, на которыхъ бывалъ неоднократно, и теперь съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ старыхъ знакомыхъ. Горы между Большой и Малой Лабой, почти всѣ долины и ущелья истоковъ М. Лабы, перевалъ Аишхо, большая часть долины Уруштена, Ятыргварты, Чилисы (Джуга), Чортовы ворота, Тхачъ и безчисленное множество другихъ болѣе далекихъ горъ—все это было видно прекрасно. Въ это время больше всего бросилось мнѣ въ глаза рѣзкое различие горъ, возвышавшихся на западѣ и на востокѣ. На западѣ онѣ были почти лишены снѣговъ, за исключениемъ лишь 2-3 отдельныхъ горныхъ группъ, покрыты лѣсами и зелеными лугами, имѣли болѣе или менѣе нѣжный, ласкающій взоры видъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ становились ниже и ниже. На востокѣ-же тянулась безконечная цѣпь болѣе высокихъ остроконечныхъ зубчатыхъ горъ, на склонахъ которыхъ вмѣсто лѣсовъ и луговъ блестѣли вѣчные снѣга и льды.

За гребнемъ, въ сторонѣ, противоположной той, съ которой мы поднимались, находилось необыкновенно глубокое ущелье. Въ немъ течетъ довольно большой притокъ Уруштена съ правой стороны. Онъ получаетъ начало на склонахъ Главнаго хребта въ

той части его, которая находится между перевалами Аишхо и Псеапихо. Спускъ въ это ущелье былъ крутъ до невозможности. Отъ самаго гребня здѣсь обрывался почти отвесный уступъ высотою, можетъ быть, сажень въ 300. Когда я стоялъ на краю его, то страшно и жутко было смотрѣть внизъ, въ эту бездну. Такія высокія и крутыя скалы не часто приходится видѣть въ горахъ. Несмотря на страшную крутизну ихъ, и здѣсь кое-гдѣ были замѣтны тропы и на нихъ слѣды туровъ. По этимъ тропамъ туры перебирались, какъ замѣтно, съ одной стороны гребня на другую, пользуясь самымъ узкимъ карнизомъ или самымъ не-значительнымъ выступомъ скаль.

Противоположная, т. е. лѣвая сторона находившагося передъ нами ущелья была гораздо положе и почти всюду покрыта травой. Лѣса въ этой части ущелья не растутъ, а въ самомъ начальѣ его на склонахъ Главнаго хребта находится два довольно порядочныхъ снѣжныхъ поля; глетчеровъ здѣсь нѣть вовсе.

Только что описанное восхожденіе на хребеть не прошло для меня безъ пользы, такъ какъ съ гребня его я могъ осмотрѣть верховья упомянутаго уже притока Уруштена *), которыхъ раньше не видѣлъ, почти съ высоты птичьяго полета осмотрѣль весь ледникъ, находящійся недалеко отъ того мѣста, гдѣ разбита была моя палатка, и, наконецъ, хотя издали окинуль взоромъ все горы и ущелья вблизи перевала Аишхо и уѣдился такимъ образомъ въ бѣдности глетчерами этой части Кавказа **).

На спускъ съ хребта мы употребили часа три, но этотъ спускъ наскучилъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ подъемъ. Въ одномъ мѣстѣ я долженъ былъ перейти черезъ небольшое, но очень крутое снѣжное поле, внизу которого были нагромождены острые угловатые обломки скаль. Я шелъ по твердому снѣгу, вонзая въ него свою палку, и, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ, выбивалъ каблукомъ сапога ступеньку. Пройдя болѣе половины снѣжного поля, я увидѣлъ, что въ нижней части оно гораздо круче, чѣмъ казалось мнѣ сверху. Спускаться по нему было очень трудно и небезопасно; взобраться-же вверхъ, прежней дорогой, чтобы совершенно обойти снѣгъ, было еще опаснѣе, такъ какъ при подъемѣ нельзѧ бы-

*) Онъ обозначенъ на пятиверстной картѣ Кавказа, но не названъ никакимъ именемъ.

**) Съ этого же гребня мнѣ удалось видѣть истоки той небольшой рѣчки, которая впадаетъ въ Лабенокъ немного ниже поста. Тамъ лежать полосы и пятна снѣга, но также нѣть глетчеровъ.

ло опираться всей тяжестью тѣла на каблуки и такимъ образомъ избѣгать опасности поскользнуться и скатиться внизъ. Волей-неволей пришлось продолжать путь въ томъ-же направлени. Въ это время я какъ-то нечаянно упустилъ свою палку, которая очень помогала мнѣ спускаться, и она быстро покатилась внизъ до конца снѣжного поля. Я очутился въ очень непріятномъ положеніи и въ первыя минуты не зналъ даже, что предпринять. Надо замѣтить, что въ это время со мною не было никого, такъ какъ мой проводникъ, желая заглянуть въ одну балку, ушелъ въ сторону. Подумавъ немного, я уѣдился, что и теперь для меня выбора никакого нѣть и что необходимо во что-бы то ни стало продолжать спускаться. Надо было пройти съ большой осторожностью еще шаговъ сорокъ по очень крутому откосу, состоящему изъ твердаго слежавшагося снѣга, стараясь не поскользнуться и не полетѣть на острые камни. Балансируя на одной ногѣ и выбивая другой ступеньки въ снѣгу, я благополучно добрался до конца снѣжнаго поля.

Спускаясь съ хребта, я вспугнулъ нѣсколько штукъ горныхъ тетеревовъ и въ томъ числѣ самокъ съ цыплятами. Двухъ птенцовъ, ростомъ съ перепелку, мы поймали, но тотчасъ-же снова выпустили на волю. Животъ у нихъ былъ еще покрытъ зеленоватымъ пушкомъ, а спинка и крылья рыжевато-сѣрыми перышками. Звѣрей въ этой дикой мѣстности мы видѣли очень мало, именно только трехъ сернъ. Эту скудость дичью надо приписать тому, что имеретины-пастухи уже пригнали сюда свой скотъ и, очевидно, распугали туровъ и сернъ. Въ этой мѣстности мы видѣли нѣсколько небольшихъ, но очень красивыхъ горныхъ озеръ съ чистой, прозрачной темно-зеленой водою.

Къ палаткѣ мы возвратились часа въ три пополудни. Отдохнувъ немного, я отправился къ леднику. Сначала нужно было пройти съ версту по ровному почти дну долины, а затѣмъ повернуть подъ прямымъ угломъ влѣво и, придерживаясь рѣчки, вытекающей изъ ледника, подняться на крутой уступъ, продолженіе котораго служить ложемъ леднику. Довольно большая и многоводная рѣчка шириной аршинъ въ 10 несется здѣсь съ ужасной быстротою по узкой мрачной тѣснинѣ, обставленной съ боковъ высокими скалами. Дно тѣснинѣ представляетъ непрерывный рядъ большихъ пороговъ, съ которыхъ низвергается рѣчка, образуя множество водопадовъ. Пробираться по этой тѣснинѣ довольно трудно и во многихъ мѣстахъ приходиться не ити, а карабкаться.

ся со скалы на скалу, употребляя въ дѣло руки и ноги, и все время быть подъ дождемъ брызгъ, разлетающихся отъ рѣчки. Своимъ ревомъ она наполняетъ все ущелье. Во многихъ мѣстахъ рѣчка скрываются подъ сугробами снѣга, а потомъ снова выходитъ на свѣтъ. Нижняя часть глетчера также завалена большой массой снѣга, поэтому нельзя съ точностью указать, гдѣ именно оканчивается она. По моему приблизительному опредѣленію, этотъ глетчерь, принадлежащий Главному Кавказскому хребту, спускается до высоты около 7300 ф. надъ ур. моря. Онъ тянется приблизительно съ Ю. на С., но дѣлаетъ два пологихъ изгиба, напоминая, такимъ образомъ, букву S. Въ средней части онъ пологъ, а въ верхней и самой нижней довольно крутъ. Большая часть его поверхности покрыта снѣгомъ, а голубовато-зеленый ледъ ясно обнаруживается въ нижней половинѣ ледника и вверху при началѣ его. Средняя ширина глетчера равняется саженямъ 100, а длина—верстамъ $1\frac{1}{2}$ или 2. Большихъ снѣжныхъ полей около него нѣть вовсе. Для этой части Кавказа, бѣдной снѣгами, и такой глетчерь долженъ считаться болѣе или менѣе значительнымъ. Небольшія морены лежать съ лѣвой стороны ледника; онъ также почти везде были покрыты снѣгомъ. Съ обѣихъ сторонъ ледника поднимаются высокія, крутыя, обрывистыя скалы, на которыхъ почти нигдѣ нѣть ни клочка зелени.

III.

Возвратившись съ ледника, я вмѣстѣ съ своими спутниками въ тотъ-же день отправился на постъ. Мы предполагали пробыть тамъ день, а затѣмъ юхать на перевалъ. Наканунѣ отѣзда я велѣлъ своимъ проводникамъ рано утромъ отыскать нашихъ лошадей и привести ихъ на постъ, но почти до полудня ждали мы ихъ напрасно. Наконецъ, явился одинъ изъ проводниковъ и объявилъ, что двухъ лошадей онъ привелъ, но прочія три куда-то исчезли. Это наше очень обезпокоило, потому что лошади за двое сутокъ могли уйти такъ далеко, что на розыски ихъ пришлось бы употребить нѣсколько дней; кромѣ того, онъ могли быть укра-дены и отведены куда-нибудь вродѣ Сухума, Адлера и тамъ пере-проданы. Нашъ гостепріимный хозяинъ П. А. Петровъ обѣщалъ намъ отправить на слѣдующій день всѣхъ своихъ стражниковъ въ поиски за лошадями и, дѣйствительно, сдѣлалъ это, но мы снова напрасно прождали лошадей до полдня. Чтобы не терять времени и притомъ, можетъ быть, въ напрасныхъ ожиданіяхъ, я

предложилъ своимъ спутникамъ совершить оставшуюся часть на-шего путешествія пѣшкомъ, употребивъ имѣющихся у насъ ло-шадей подъ выюки изъ самыхъ необходимыхъ вещей, именно про-визіи, теплого платья и палатки. Все-же прочее, не составлявшее предметовъ первой необходимости, я рѣшилъ оставить на посту до нашего возвращенія. Въ число этихъ предметовъ попалъ, къ большому сожалѣнію, и мой фотографический аппаратъ. Хотя намъ предстояло такимъ образомъ пройти не менѣе 120 верстъ по самымъ гористымъ мѣстамъ и въ то-же время совершить переходъ черезъ Главный Кавказскій хребеть, но никто противъ моего предложения не протестовалъ, и мы въ тотъ же день съ двумя лошадьми и двумя проводниками выступили съ поста. П. А. обѣщалъ, впрочемъ, отправить по нашимъ слѣдамъ лоша-дей, если онѣ будутъ скоро найдены.

Версты двѣ прошли мы по знакомой намъ дорожкѣ, перебравшись черезъ рѣчку, вытекающую изъ описанного уже мною ледника, а затѣмъ повернули влѣво, въ долину того истока Лабенка, который вытекаетъ изъ подъ перевала Аишхо. Едва замѣт-ная тропинка, по которой имеретины гоняютъ на пастьбу свой скотъ, тянулась здѣсь по лѣсу то среди хаоса камней, то по грязи. Ити по ней было довольно плохо, а тутъ еще, на наше несчастіе, пошелъ дождь, пощадившій наше какимъ то образомъ въ предыдущіе два дня, когда мы юздили къ леднику. Ущелье этой рѣчки въ нижней части покрыто лѣсомъ, состоящимъ изъ лиственныхъ породъ вродѣ бука, горнаго клена, вербы и т. д., перемѣшанныхъ съ кавказской пихтой; выше-же оно дѣлается скалистымъ и почти безлѣснымъ. Здѣсь тянутся только березовые перелѣски да заросли кавказскаго рододендрона. По сторонамъ тропинки намъ попадались часто кустики шиповника (*Rosa sp?*) съ блѣдно-розовыми довольно крупными цвѣтами. Въ двухъ часахъ пути отъ поста мы увидѣли рѣчку, которая вытекаетъ изъ ледника довольно порядочныхъ размѣровъ и впадаетъ въ Лабенокъ съ лѣвой стороны. Съ тропы хорошо виденъ только нижний конецъ этого ледника; начинается же онъ почти тамъ, гдѣ и другой, раньше описанный. Оба они составляютъ какъ-бы одинъ переметный ледникъ и направляются въ противоположныя стороны. Этотъ ледникъ имѣть въ ширину отъ 100 до 150 са-женъ, но, вѣроятно, вдвое короче первого и оканчивается отѣс-нымъ уступомъ при началѣ крутого откоса горы, гдѣ растуть на ней березки, рододендроны и можжевельникъ. Съ ледника выте-

каеть много шумныхъ ручьевъ, которые собираются въ одну рѣчку. Она обозначена на пятиверстной карте Кавказа въ разстояніи верстъ трехъ отъ перевала Аишхо. Въ томъ мѣстѣ, где эта рѣчка бѣшено мчится съ крутой горы, прыгая съ камня на камень, и имѣетъ въ ширину аршинъ восемь, мы должны были перейти ее вбродъ. Эта переправа доставила намъ немало хлопотъ и отняла порядочно времени, такъ какъ долго пришлось искать мѣста, где вода не такъ глубока и теченіе не такъ быстро. Опираясь на палку и прыгая съ камня на камень среди бушующихъ волнъ и пѣни, мы кое-какъ перебрались черезъ рѣчку.

Передъ этой рѣчкой, а въ особенности за нею, тропинка тянется на протяженіи около версты по грудамъ большихъ острыхъ, угловатыхъ камней, свалившихся съ съсѣдняго хребта. Во многихъ мѣстахъ она едва замѣтна, а въ нѣкоторыхъ даже не видна вовсе. Человѣку пробираться по ней очень трудно, а лошади, конечно, еще труднѣе. Эта осыпь—самая скверная часть пути на всемъ протяженіи отъ Псебая до перевала. Пройдя отъ нея версты полторы вверхъ по ущелью, мы выбрали хорошую, ровную лужайку и на самомъ берегу Лабенка разбили палатку. Мѣсто это находилось на высотѣ 6500 фут. надъ уровнемъ моря. Здѣсь мы рѣшили переночевать, чтобы на слѣдующій день съ разсвѣтомъ двинуться въ путь и рано утромъ, когда съ большей вѣроятностю можно разсчитывать на хорошую погоду, перейти перевалъ Аишхо и спуститься въ долину Мзымы. На этомъ мѣстѣ намъ готовился пріятный сюрпризъ: едва успѣли мы снять съ лошадей выюки и развязать свои вещи, какъ вдругъ видимъ, что съ той стороны ущелья, откуда мы только что пришли, къ намъ приближаются два всадника вмѣстѣ съ нашими лошадями. Это очень обрадовало насъ, такъ какъ теперь мы были избавлены отъ необходимости путешествовать пѣшкомъ въ теченіе, быть можетъ, цѣлой недѣли. Стражники, которые привели нашихъ лошадей, сообщили намъ, что они съ трудомъ нашли ихъ на горахъ между М. Лабой и Уруштеномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поста. Они-же сказали, что недалеко отъ нашей стоянки видѣли медведя. Я съ однимъ изъ нашихъ проводниковъ передъ вечеромъ отправился на нѣкоторое время побродить по горамъ въ надеждѣ встрѣтить если не этого, то, можетъ быть, какого-нибудь другого медведя, но ни простымъ глазомъ, ни при помощи бинокля намъ не удалось нигдѣ увидѣть никакого звѣря. Причиною этого и здѣсь были имеретины, которые со своими

стадами успѣли уже перебраться сюда изъ Сухумскаго округа Кутаисской губерніи черезъ переваль Аишхо. Птицъ мы видѣли здѣсь также сравнительно мало. Изъ нихъ особенно обращали на себя вниманіе двѣ оляпки (*Cinclus caschmirensis*), которая держались все время около нашей стоянки и охотились за водяными насѣкомыми, бросаясь съ берега въ рѣчку. Здѣсь же въ кулахъ камней оказалось много ящерицъ (*Lacerta muralis Laur.*), тождественныхъ съ тѣми, которыхъ мы встрѣчали раньше около Чернорѣчья, Умпрыя и во многихъ другихъ мѣстахъ долины М. Лабы. Наконецъ, съ этой-же стоянки я обратилъ вниманіе на большія ярко-желтаго цвѣта пятна, находящіяся на многихъ скалахъ, которая громоздятся по обѣ стороны ущелья. Особенно много ихъ было видно на правомъ склонѣ. До нѣкоторыхъ изъ нихъ было съ полверсты, другія же находились гораздо дальше и, несмотря на это, сразу бросались въ глаза. Я подумалъ, что не обнажаются-ли это жилы какой-нибудь руды, и потому попросилъ одного изъ своихъ проводниковъ добраться до ближайшей изъ этихъ скалъ и отбить отъ нея кусокъ. Онъ отправился вмѣстѣ съ моимъ сыномъ и черезъ полчаса принесъ мнѣ нѣсколько кусковъ кварцевой породы, покрытыхъ на поверхности непрерывнымъ слоемъ твердыхъ лишайниковъ ярко-желтаго цвѣта. Они-то и придавали такую своеобразную окраску скаламъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти лишайники сплошь или почти сплошь покрывали скалы на протяженіи нѣсколькихъ квадр. сажень.

Горы въ верховьяхъ Лабенка состоятъ изъ кристаллическихъ сланцевъ и другихъ кварцевыхъ породъ вродѣ гранита, гнейса, кварцита и т. д. Здѣсь же между прочимъ я нашелъ красивую кремнистую брекчію, которая состоитъ изъ чередующихся другъ съ другомъ прослоекъ синеватаго и почти бѣлаго цвѣтовъ. Часто попадаются въ этомъ ущельѣ песчаники, окрашенные окислами желѣза въ бурый цвѣтъ, и, наконецъ, пласти рыхлой, легко разсыпающейся известковой породы чисто бѣлаго цвѣта. Аспиднаго сланца, такъ сильно распространеннаго въ другихъ частяхъ Кавказа, здѣсь почти нѣтъ. Склоны ущелья въ этихъ мѣстахъ очень круты и состоятъ изъ скалъ, чередующихся съ узкими карнизами, на которыхъ растетъ зеленая трава, рододендроны, а кое-гдѣ и мелкая березки.

Отлично переночевавъ въ палаткѣ, мы на слѣдующее утро отправились въ дальнѣйшій путь. Первые версты двѣ намъ пришлось бѣхать по тропинкѣ съ едва замѣтнымъ подъемомъ, дальше

же онъ сдѣлался гораздо круче. Лабенокъ течетъ здѣсь въ узкой разсѣлинѣ скаль глубиною въ нѣсколько саженъ. Всѣ эти скалы, начиная почти отъ самого уровня воды въ рѣкѣ, покрыты густой зеленью кавказского рододендрона. Это придаетъ рѣчкѣ очень красивый и оригинальный видъ; особенно красива должна быть она въ началѣ лѣта, когда течетъ среди сплошной массы крупныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, которыми бываютъ покрыты рододендроны.

Подъемъ на перевалъ Аишхо въ общемъ довольно пологъ; исключениѣ составляетъ одно мѣсто, простирающееся менѣе чѣмъ на полверсты. Его мы должны были пройти пѣшкомъ. На значительномъ протяженіи тропинка тянется здѣсь по топкимъ болотистымъ мѣстамъ, покрытымъ различными кислыми травами, напр., осоками, ситниками и т. д.; на нихъ часто встрѣчается пушица (*Eriophorum*) съ бѣлыми шелковистыми султанами. Во многихъ мѣстахъ находятся здѣсь настоящія болота, по которымъ не въ состояніи итти лошадь. Ноги человѣка погружаются въ нихъ на нѣсколько вершковъ, причемъ изъ подъ зеленаго травяного покрова выступаетъ чистая, прозрачная вода. Эти болота тянутся на протяженіи цѣлыхъ верстъ. По сторонамъ ихъ на болѣе сухихъ мѣстахъ растетъ чемерица (*Veratrum album*) и красивая розовая ромашка (*Rythrum roseum*). Березовыя заросли не доходятъ до перевала приблизительно на версту, а на самомъ перевалѣ нѣть ни деревьевъ, ни кустарниковъ, за исключеніемъ лишь рододендроновъ (*Rh. Caucasicum*), которые и передъ переваломъ покрываютъ почти всѣ склоны горъ на протяженіи цѣлыхъ верстъ. Ни скаль, ни обрывистыхъ мѣстъ, ни осыпей вблизи перевала нѣть вовсе.

Съ тропы къ перевалу открывается красивый видъ на верховья крайняго праваго истока М. Лабы, вытекающаго изъ-подъ горы Аишхо. Здѣсь сходится нѣсколько балокъ, получающихъ начало на склонахъ Главнаго Кавказскаго хребта; всѣ онъ, особенно въ нижней половинѣ, болѣе или менѣе пологи, почти лишены скаль и покрыты мелкой травой. Кромѣ того, на склонахъ ихъ всюду видны красивыя извилистыя полосы снѣга, а также большия сугробы его, лежащіе въ тѣнистыхъ котловинахъ, но нѣть ни одного даже самаго маленькаго ледника. Со снѣговъ, а также изъ родниковъ вытекаетъ здѣсь множество ручьевъ, которые составляютъ упомянутый уже истокъ М. Лабы. Онъ имѣть въ длину верстъ пять и сливается съ истокомъ, вытекающимъ изъ-подъ перевала Аишхо въ трехъ отъ послѣдняго. Такимъ

образомъ, о ледникахъ, находящихся въ самыхъ истокахъ М. Лабы, можно сказать слѣдующее: здѣсь имѣется только три настоящихъ ледника—два на склонахъ Главнаго Кавказскаго хребта и одинъ на горахъ по правую сторону ущелья М. Лабы (недалеко отъ поста и верстахъ въ 6-7 отъ гребня Главнаго хребта). Кромѣ нихъ въ этой мѣстности есть еще два фирнъ-глетчера (оба на горахъ съ правой стороны ущелья М. Лабы). Одинъ фирнъ-глетчерь находится еще на хребтѣ Луганъ. Глетчевъ первого разряда, глубоко спускающихся въ долины, здѣсь нѣть вовсе; далѣе, ни одинъ изъ здѣшнихъ глетчевовъ не достигаетъ длины болѣе 2 или $2\frac{1}{2}$ верстъ и не спускается ниже 7000 ф. надъ ур. моря. По словамъ одного ветеринарнаго стражника и имеретинъ, въ верховьяхъ р. Цахвоа есть еще три небольшихъ фирнъ-глетчера, но мнѣ не удалось видѣть ихъ, такъ какъ добраться до верховьевъ этой рѣчки со стороны ущелья М. Лабы невозможно.

Перевалъ Аишхо представляетъ широкую сѣдовину съ пологими, нѣвысокими боками; на самой срединѣ его находится небольшое озерцо, съ котораго мы вспугнули куличковъ-чернышѣй (*Totanus ochropus*). Высота этого перевала, по приблизительному опредѣленію посредствомъ анEROИда и по температурѣ кипѣнія воды, равняется 7700 фут.; онъ, стѣдовательно, выше сосѣдняго съ чинъ перевала Псеашхо слишкомъ на 800 фут. Съ правой стороны его поднимается пологая, лишенная скаль и сплошь покровшая зеленою травой низкая гора, а слѣва другая, болѣе высокая, наверху скалистая, но покрытая снѣгомъ только въ наиболѣе тѣнистыхъ мѣстахъ. Къ концу лѣта, какъ говорили мнѣ, этотъ снѣгъ стаиваетъ совершенно. Изъ горъ и балокъ, окружающихъ перевалъ, вытекаетъ упомянутый уже истокъ М. Лабы, но онъ своей величиной уступаетъ всѣмъ прочимъ ея истокамъ. Въ трехъ верстахъ къ ЮВ. отъ перевала находится гора Аишхо, превосходящая своей высотою горы, которая окружаетъ перевалъ. На ней довольно много скаль, не отличающихся, впрочемъ, своими размѣрами, и осыпей, а рядомъ съ ними лежать небольшія снѣжныя поля. Кавказскій хребеть на мѣстѣ перевала Аишхо сильно притупленъ,—поэтому тропинка, проходя черезъ самыя высшія точки его, на протяженіи не менѣе полуторы версты тянетъся почти по ровной мѣстности, покрытой мокрыми лугами и болотами. Кое-гдѣ по сторонамъ ея лежали небольшія круговины снѣга, но на тропѣ его не было вовсе.

На самой высшей точкѣ хребта мы сдѣлали привалъ и съ

удовольствиемъ провели здѣсь съ часъ, если не больше. Я въ это время занялся своимъ анероидомъ, вскипятилъ воду въ сосудѣ гипсометрическаго термометра, собралъ нѣсколько мелкихъ растеній и послѣ этого долго еще любовался чудными видами высокихъ горъ и глубокихъ ущелій. Погода намъ вполнѣ благопріятствовала: солнце ярко свѣтило, было тихо и очень тепло (+ 12° С.). На снѣгу, у самыхъ верхнихъ точекъ перевала, мы застали цѣлое стадо альпійскихъ воронъ (*Fregilus graculus*). Онъ съ присущей имъ веселостью прыгали и летали, гонясь другъ за другомъ и оглашали воздухъ своими громкими мелодичными криками.

Часовъ въ девять мы двинулись съ перевала внизъ къ долинѣ Пслуха, довольно большой горной рѣчки, получающей начало верстахъ въ 10 отсюда изъ-подъ перевала Псеашхо и впадающей въ Мзымту съ правой стороны. Съ тропы, гдѣ только что начинается крутой спускъ, открывается безподобный видъ съ высоты птичьего полета на необыкновенно глубокія, покрытыя сплошь цѣлымъ моремъ дѣственныхъ хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ долины Мзымты и Пслуха, на горы, раздѣляющія ихъ, и особенно замѣчательный видъ на покрытый вѣчными снѣгами и льдами высокій хребетъ, который тянется по другую сторону долины Мзымты параллельно Главному хребту, верстахъ въ 10 отъ него. Залитая сплошной зеленою лѣсомъ долина Мзымты извивается здѣсь между двумя высокими хребтами, покрытыми вѣчными снѣгами и глетчерами, которые при яркомъ освѣщеніи альпійскаго солнца горятъ, какъ въ огнѣ, и блестятъ, какъ серебро, выдѣляясь съ поразительной ясностью на темно-зеленомъ фонѣ лѣса и темной синевѣ южнаго неба. Описать чудную красоту этого дивнаго вида рѣшительно невозможно. Очень красивымъ представляется съ перевала и хребетъ, возвышающійся между долинами Мзымты и Пслуха. Западный конецъ его низокъ и покрытъ сплошнымъ лѣсомъ, восточный-же гораздо выше. Онъ представляетъ чудные изумрудно-зеленые альпійскіе луга, по которымъ растутъ одинокія или собранныя въ небольшія группы высокія изящныя пихты. Я очень жалѣль, что долженъ былъ, отиравляясь съ поста всего лишь съ двумя лошадями, оставить тамъ свой фотографическій аппаратъ, и теперь не могъ сдѣлать ни одного снимка съ этихъ чудныхъ мѣстъ.

Спускъ съ перевала Аишхо страшно круть, хотя вовсе лишенъ скаль и на значительномъ протяженіи идетъ по склонамъ,

покрытымъ высокой сочной травой. Тропинка дѣлаеть здѣсь много зигзаговъ, крутыхъ поворотовъ и часто тянется вдоль очень крутыхъ косогоровъ. Бхать по ней на лошади, пожалуй, возможно, но очень плохо,—поэтому мы прошли ее пѣшкомъ. Съ нея мы увидѣли далеко внизу, на днѣ долины Мзымты, будущій городъ Романовскъ, извѣстный гораздо больше подъ именемъ Красной Поляны. Онъ отстоитъ отъ перевала Аишхо по прямой линіи на 20 верстъ и представляется съ него маленькимъ свѣтлымъ пятнышкомъ, окруженнымъ цѣлымъ моремъ лѣсовъ. При помощи бинокля въ немъ можно различить нѣсколько довольно большихъ бѣлыхъ зданій.

Въ сторонѣ отъ тропы, недалеко отъ перевала, виднѣются во многихъ мѣстахъ заросли *Rhododendron Caucasicum*, но здѣсь ихъ замѣтно меньше, чѣмъ на сѣверномъ склонѣ; верстахъ-же въ двухъ отъ перевала на склонахъ Главнаго хребта уже начинаются настоящіе лѣса. У верхней границы ихъ преобладаетъ береза, красивый горный кленъ, букъ и высокія стройныя пихты. Послѣднія достигаютъ здѣсь очень крупнаго роста, а букъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ густыя заросли изъ низкихъ (аршина въ 3 или 4) деревцевъ, такъ густо переплетающихся другъ съ другомъ своими вѣтвями, что человѣку между ними пробраться почти невозможно. Довольно часто попадается верба, а изъ кустарниковъ —кавказская черника, *Viburnum Lantana*, орѣшникъ и очень много высокихъ рододендроновъ съ толстыми кожистыми блестящими листьями. Эти рододендроны представляютъ уже другой видъ, именно *Rhododendron Ponticum*, свойственный наиболѣе влажной западной части Закавказья. Цвѣтовъ на немъ мы уже не застали. Изъ травянистыхъ растеній здѣсь больше всего обращаютъ на себя вниманіе огромные колокольчики (*Campanula*) и высокій съ бѣлыми цвѣтами аконитумъ. Палоротникъ-орлякъ попадается въ этихъ мѣстахъ въ ограниченномъ количествѣ и не образуетъ сплошныхъ зарослей.

Верстахъ въ трехъ отъ перевала тропа, ведущая въ долину Мзымты, раздѣляется на двѣ. Одна изъ нихъ, именно лѣвая, огибаетъ верховья маленькой рѣчки, впадающей въ Пслухъ, и направляется самымъ кратчайшимъ путемъ къ верховьямъ Мзымты; другая же, правая, спускается въ самый низъ долины Пслуха, тянется по ней почти до того мѣста, гдѣ Пслухъ впадаетъ въ Мзымту, проходя мимо единственной въ этой мѣстности лѣсной караулки и одного изъ углекислыхъ источниковъ, затѣмъ пере-

ходитъ черезъ хребетъ, раздѣляющій долины Пслуха и Мзымы и, наконецъ, повернувъ на юго-востокъ, направляется къ верховьямъ Мзымы. Послѣдній путь гораздо длиннѣе, но я отдалъ ему предпочтеніе, желая осмотрѣть на большемъ пространствѣ долину и побывать у минерального источника. Кромѣ того, по этому пути намъ легче было добраться до истоковъ Мзымы, такъ какъ о немъ мы собрали подробнѣя свѣдѣнія на ветеринарномъ посту отъ одного изъ стражниковъ. Что касается нашихъ проводниковъ, то они знали мѣста только до перевала; долина-же Мзымы представляла для нихъ *terram incognitam*.

Тропинка, которая тянулась по лѣсу, была очень плоха. Она во многихъ мѣстахъ такъ сильно заросла высокимъ, какъ лѣсъ, бурьяномъ *), что мы съ трудомъ могли придерживаться ея; кромѣ того, она очень грязна и вѣтется по крутымъ мѣстамъ. Мы должны были итти по ней пѣшкомъ и вести за собой лошадей, при чемъ нѣсколько разъ сбивались съ нея и съ трудомъ отыскивали ее вновь. На днѣ долины Пслуха она сдѣлалась гораздо шире и во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Въ этихъ мѣстахъ уже почти не было чащи и высокаго бурьяна, а стояль очень крупный высокоствольный лѣсъ, въ которомъ кромѣ кавказской пихты, ели и бука встрѣчаются громадные, обхваты въ три и болѣе толщиною, ясень, яворъ, остролистый кленъ, вязъ, липа, дубъ и многія другія деревья. Версты за двѣ до лѣсной караулки, которая находится на высотѣ около 3000 фут. надъ ур. моря и verstахъ въ пяти отъ впаденія Пслуха въ Мзыму, въ этомъ лѣсу начали попадаться довольно большія поляны; на нихъ была уже скопена трава. Въ часъ или два пополудни мы добрались до караулки, которая построена на небольшой полянкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и расположенной на высотѣ слишкомъ 3000 фут. надъ ур. моря. Здѣсь намъ надо было отдохнуть послѣ непрерывнаго восьмичасового пути; кромѣ того, я надѣялся отъ живущихъ на караулкѣ полѣсовщиковъ добыть кое-какія свѣдѣнія о звѣряхъ, водящихся въ долинѣ Мзымы.

На караулкѣ мы застали только дѣтей, которые, увида насъ, мгновенно попрятались въ хату и заперли за собою двери. Живя среди лѣса, въ глухи, они почти никогда не видятъ людей и

*) По словамъ извѣстнаго изслѣдователя Абхазіи покойнаго Н. Альбова, нигдѣ въ Абхазіи нѣтъ такого огромнаго бурьяна, какъ въ долинѣ Мзымы. Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ Абхазіи, Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XV.

боатся ихъ. Часа черезъ полтора послѣ нашего прѣѣзда явились полѣсовщики-естонцы, бывшіе передъ этимъ на покосѣ. У нихъ мы добыли за очень умѣренную цѣну масла, молока, сметаны, яицъ и пополнили свой запасъ хлѣба.

Въ то время, когда мы прїѣхали на караулку, стояла очень хорошая погода. Предполагая ночевать на полянѣ, вблизи караулки, мы выбрали уже подходящее мѣсто около одного раскидистаго дерева и разбили на немъ палатку; но часовъ съ четырехъ быстро начали собираться густыя тучи, а вскорѣ загремѣлъ громъ и засверкали молніи. Такая внезапная перемѣна погоды заставила насъ измѣнить свое рѣшеніе относительно ночлега, и мы сочли лучшимъ послушать совѣта полѣсовщиковъ и перебраться въ караулку. Въ наше полное распоряженіе была предоставлена большая довольно чистая комната, самоваръ и всякая посуда. Еще не успѣли мы перенести изъ палатки всѣ наши вещи, какъ полилъ сильнѣйший дождь. Онъ раза два переставалъ, но вскорѣ снова принимался лить съ прежней силой. Дворъ караулки и болѣе ровнага мѣста окружающей ее поляны сплошь покрылись водой, а мы, очень довольные тѣмъ, что во-время успѣли перебраться въ караулку, подъ шумъ дождя покойно закусывали; пили чай и мирно бесѣдовали.

Одинъ полѣсовщикъ, служащий здѣсь уже лѣть пять, да прожившій, кромѣ того, еще нѣсколько лѣть на Красной Полянѣ, оказался охотникомъ; отъ него я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о звѣряхъ этой мѣстности. Его сообщенія подтвердились потомъ рассказами другихъ лицъ, напр., пастуховъ-имеретинъ, охотниковъ Красной Поляны, а также моими личными, хотя кратковременными, наблюденіями. Полѣсовщикъ сообщилъ мнѣ, что зубры въ долинѣ Мзымы не водятся. Я зналъ объ этомъ раньше и писалъ; разспрашивая-же его теперь, хотѣлъ только лишній разъ услышать подтвержденіе своего мнѣнія. Тотъ-же полѣсовщикъ сообщилъ мнѣ, что за все время его скитаній по лѣсамъ долины Мзымы онъ лишь два раза видѣлъ слѣды зубровъ и притомъ оба раза въ верховьяхъ Пузико. Онъ увѣренъ, что зубры, оставившіе эти слѣды, случайно заходили сюда изъ Кубанской области черезъ очень низкій переваль Псеашхо (6870 ф.) или черезъ верховья Бѣлой, на З. отъ Шугуса, гдѣ горы еще ниже. По слѣдамъ можно было замѣтить, что зубры держались здѣсь недолго и, навѣрно, снова уходили на мѣста, постоянно ими обитаемыя, т. е. въ долину Уруштена, на Кипшу и т. д. На Бзы-

би и вблизи моря, вопреки увѣренію нѣкоторыхъ, зубровъ также нѣть. Олени въ долинѣ Мзымы попадаются, но рѣдко,—можно даже сказать, несравненно рѣже, чѣмъ въ сосѣднихъ частяхъ Кубанской области. Они держатся довольно высоко на склонахъ горъ, почти никогда не спускаясь въ нижнюю часть долины. Главная причина почти полного отсутствія ихъ въ этой покрытой богатой растительностью и почти безлюдной долинѣ заключается, по моему мнѣнію, въ необыкновенно глубокихъ снѣгахъ, которые выпадаютъ здѣсь зимою. По словамъ полѣсовщика, года три тому назадъ здѣсь выпалъ однажды въ теченіе сутокъ снѣгъ въ пять аршинъ глубиною, а въ это-же время на Красной Полянѣ—въ три аршина. Оленю, животному болѣе или менѣе грузному, двигаться по такому глубокому снѣгу, въ особенности когда онъ немножко затвердѣеть, очень трудно. Дикия козы или косули встрѣчаются здѣсь гораздо чаще. Одна пара рожковъ, которую мнѣ пришлось видѣть на Красной Полянѣ, указываетъ на принадлежность этой косули къ виду *Capreolus caprea* Cray; но, можетъ быть, въ лѣсахъ долины Мзымы встрѣчается и *Capr. pygargrus* Pall. Слѣды козъ я видѣлъ и на дорогѣ по долинѣ Мзымы. Серны водятся здѣсь на всѣхъ высокихъ мѣстахъ какъ по Главному Кавказскому хребту, такъ и по горамъ, которыя тянутся по лѣвой сторонѣ долины Мзымы и окаймляютъ ее съ южной стороны. На горахъ между Пузико и Пслухомъ я, какъ будетъ сказано ниже, самъ видѣлъ нѣсколько стаі сернъ и охотился за ними. Туры, по словамъ полѣсовщиковъ, встрѣчаются на южномъ склонѣ Главнаго хребта; на южномъ склонѣ Шугуса ихъ даже много, но на горахъ по другую сторону Мзымы они, будто-бы, не живутъ вовсе; имеретины-же паствуhi, съ которыми я бесѣдовалъ по этому поводу въ верховьяхъ Мзымы, говорили, что и на этихъ горахъ туры водятся, но не вездѣ, и что въ самыхъ верховьяхъ Мзымы ихъ очень много. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ этихъ мѣстахъ водится тотъ самый видъ, который живетъ въ сосѣднихъ частяхъ Кубанской области, т. е. *Capra Sewertzowi* Menz. Видѣвшi очень высокiя, покрытыя вѣчными снѣгами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ледниками горы, которыя ограничиваютъ долину Мзымы съ лѣвой стороны, я не думаю, чтобы на нихъ не водились туры. Дикия свини въ долинѣ Мзымы попадаются въ большомъ количествѣ. Ихъ привлекаетъ сюда обилие фруктовъ—груши, яблокъ, черешень, личи, шишекъ (*Mespilus Germanica*), а въ особенности волошскихъ орѣховъ и

каштановъ. Медвѣдей здѣсь также много, но было гораздо больше въ то время, когда еще не существовало на Красной Полянѣ эстонского поселка съ его многочисленными охотниками-промышленниками. Нѣкоторые изъ нихъ прежде убивали по нѣсколько десятковъ медвѣдей въ годъ. Шакалы въ эти мѣста не заходятъ, хотя въ низовьяхъ Мзымы, какъ и вездѣ по кавказскому берегу Чернаго моря, водятся въ большомъ количествѣ. Часто попадаются по берегамъ Мзымы выдры или порѣшни. Въ виду того, что мнѣ самому приходилось раза два слышать разсказы о существованіи рѣчного бобра (*Castor fiber* L.) въ нѣкоторыхъ наиболѣе глухихъ и лѣсистыхъ долинахъ Кавказа, я разспрашивалъ о бобрахъ здѣшнихъ полѣсовщиковъ, разсказавъ имъ предварительно объ особенностяхъ этого животнаго, его замѣчательномъ образѣ жизни и о томъ, какимъ образомъ можно скорѣе всего открыть присутствіе бобровъ въ данной мѣстности. Оба полѣсовщика на мои вопросы отвѣчали, что ни бобровъ, ни какихъ либо призраковъ, указывающихъ на существование ихъ въ долинѣ Мзымы, они никогда не находили.

Птичье населеніе долины Мзымы не отличается разнообразiemъ, но птицы нѣкоторыхъ видовъ встрѣчаются здѣсь въ очень большомъ количествѣ. Въ лѣсахъ недалеко отъ караулки мы видѣли много витютней (*Palumbus torquatus* Aldr.), горлицъ, черноголовыхъ соекъ (*Garrulus Krinickii* Bogd.), черныхъ дроздовъ (*Merula vulgaris* Ray), пѣвчихъ дроздовъ (*Turdus musicus* L.), иволгъ, крапивниковъ, синицъ, мухоловокъ (*Butalis grisola* L.), зябликовъ и другихъ мелкихъ птичекъ, а у верхней границы лѣсовъ и на горныхъ лугахъ вороновъ (*Corvus corax* L.), дроздовъ-дерябъ (*Turdus viscivorus* L.), бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata* L.), чекановъ (*Saxicola oenanthe* L.) и *Pratincola rubetra* L.), горныхъ овсянокъ (*Emberiza cia* L.) и т. д. Дрозды-дерябы чаще всего держатся, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по рѣдкому сосняку или ельникамъ, растущимъ у верхней границы горныхъ лѣсовъ, а бѣлозобые дрозды—въ бурьянахъ, въ особенности если они растутъ по каменистымъ мѣстамъ или вблизи рѣчекъ. Очень любить они мѣста, заросшія конскимъ щавелемъ (*Rumex crispus*), такъ какъ широкіе листья этого растенія отлично скрываютъ дроздовъ отъ глазъ враговъ, а, кроме того, отсутствіе постороннихъ травъ подъ густой тѣнью щавеля даетъ возможность дроздамъ безпрепятственно бѣгать по землѣ во всѣхъ направленіяхъ и отыскивать кормъ. Въ другомъ бурьянѣ это дѣлать не такъ

удобно. Красивыхъ каменныхъ дроздовъ я здѣсь не видѣлъ ни разу. Горные тетерева и горныя индѣйки живутъ на горахъ, окружающихъ долину Мзымы, — первые на высотахъ, начиная отъ 5 или $5\frac{1}{2}$ тысячъ фут., а вторыя рѣдко спускаются ниже 7000 ф.

Чтобы проѣхать отъ караулки къ истокамъ Мзымы, намъ надо было спуститься по долинѣ Пслуха еще версты 4, перебраться черезъ западную оконечность хребта, раздѣляющаго долины Пслуха и Мзымы, и затѣмъ уже продолжать путь вверхъ по долинѣ послѣдней. Намъ пришлось почти цѣлый день, т. е. съ ранняго утра и до самаго вечера ѿхать по сплошному лѣсу; только кое-гдѣ, какъ оазисы въ пустынѣ, попадались въ немъ маленькия прогалинки, да нѣсколько довольно большихъ полянъ мы встрѣтили уже вблизи истоковъ Мзымы. Безконечный лѣсъ съ его всюду грязными тропинками намъ порядочно наскучилъ, а длинный перѣездъ сильно утомилъ насъ физически; зато, впрочемъ, мы имѣли возможность ознакомиться болѣе или менѣе обстоятельно съ лѣсами долины Мзымы и видѣть ее на значительномъ пространствѣ.

Около караулки и ниже ея по долинѣ Пслуха древесная и кустарная растительность очень богата и разнообразна. Во многихъ мѣстахъ она состоять здѣсь почти изъ однихъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ: волошскихъ орѣховъ, каштановъ, шишекъ (*Mespilus Germanica*), яблонь, грушъ, личи, мелкой, но очень сладкой черешни, орѣшника, кизила и т. д. Въ другихъ частяхъ долины преобладаютъ обыкновенные лѣсныя породы: дубъ, ясень, кленъ, яворъ и особенно букъ. Здѣсь встрѣчается также много ліанъ, которыя переплетаютъ деревья и взбираются на вершины ихъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ такъ называемый обвойникъ (*Periploca Graeca*); онъ въ видѣ длинныхъ свѣтлосѣрыхъ веревокъ и канатовъ перебрасывается съ одного дерева на другое и оплетаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Еще гуще заплетаются деревья и въ особенности кустарники ломоносомъ (*Clematis*), но онъ не растетъ внутри густого лѣса, а по опушкамъ его и полянамъ. Хмѣль также здѣсь встрѣчается часто. Гораздо богаче ліанами мѣста, лежащія ниже по долинѣ Мзымы.

Изъ травянистыхъ растеній здѣсь бросаются въ глаза огромныя *Inula*, упомянутые уже колокольчики съ очень крупными синими цветами, и особенно напоротникъ-орлякъ. Онъ въ этихъ мѣстахъ вполнѣ уже вступилъ въ права гражданства и завладѣлъ всѣми полянами и вообще открытыми мѣстами. Его огромныя

вѣтвистыя и красивыя вайи достигаютъ такой высоты, что почти скрываютъ єдущаго на лошади человѣка.

Тропа отъ караулки внизъ по Пслуху мѣстами тоже очень плоха, такъ какъ на значительномъ протяженіи тянется по заваленному камнями и карчами руслу рѣчки. Верстахъ въ трехъ отъ караулки, на лѣвой сторонѣ тропы, находится упомянутый уже мною минеральный источникъ. Онъ обозначенъ на пятиверстной картѣ Кавказа. Этотъ источникъ представляетъ собою колодецъ глубиною въ два аршина съ мутной, довольно холодной, грязноватой водой. Послѣдняя имѣеть слегка кислый вкусъ и содержитъ въ себѣ желѣзо и свободный углекислый газъ, который постоянно выдѣляется изъ воды въ видѣ мелкихъ пузырьковъ. Количество этихъ веществъ въ водѣ, однако, очень невелико, — поэтому едва-ли можно думать, что источникъ будетъ когда-либо имѣть особенное значеніе. Можетъ быть, впрочемъ, надлежащая расчистка улучшитъ его качества. Отъ караулки до источника мы ѿхали ровно часъ.

Въ верстѣ отъ источника начинается подъемъ на гору. Полѣсовщикъ говорилъ намъ, что этотъ подъемъ тянется на протяженіи около полуторы версты. Хотя мѣстами онъ былъ очень круты и вслѣдствіе почти ежедневныхъ дождей порядочно грязенъ, тѣмъ не менѣе я предполагалъ пройти его приблизительно въ полчаса и потому часто посматривалъ на часы, утыкая себя тѣмъ, что черезъ нѣсколько минутъ буду, наконецъ, на вершинѣ горы. Въ дѣйствительности же случилось совсѣмъ не то: вмѣсто предполагаемой полуторы версты длина подъема оказалась равной верстамъ пяти, и намъ съ трудомъ удалось одолѣть его за два часа. Онъ порядочно утомилъ насъ и сильно наскучилъ. Можетъ быть, этотъ подъемъ и не показался бы намъ такимъ длиннымъ, если бы мы не были предварительно введены въ заблужденіе относительно его протяженія. Я весь его прошелъ пѣшкомъ, но, когда выбрался наверхъ, мое бѣлье и даже пиджакъ были совершенно мокрыми, а по лицу текли цѣлые ручьи пота.

На всемъ протяженіи этого подъема тянется крупный высокоствольный лѣсъ; внизу онъ состоитъ изъ лиственныхъ породъ, среди которыхъ букъ занимаетъ первое мѣсто, а по мѣрѣ приближенія къ гребню хребта все чаще и чаще начинаютъ попадаться пихты. Здѣсь-же растетъ много каштановъ. При подъемѣ на гору я въ нѣсколькихъ мѣстахъ видѣлъ слѣды медвѣдей и кабановъ. Довольно сильно набитая тропа, по которой ежегод-

но гоняютъ къ верховью Мзымты и обратно немало скота, спускается съ гребня горы въ долину Мзымты не сразу, а очень постепенно. Она на протяженіи верстъ 12 тянется по косогорамъ на болѣе или менѣе значительной высотѣ надъ дномъ долины и пересѣкаетъ безчисленное множество крутыхъ балокъ и балочекъ. Здѣсь также немалое пространство пришлось намъ пройти пѣшкомъ, такъ какъ ѿхать по грязной скользкой тропинкѣ, извиающейся надъ обрывами и кручами и пересѣкающейся несмѣтнымъ количествомъ очень крутыхъ спусковъ и подъемовъ, было не безопасно, да притомъ и крайне непріятно. Все время эта тропинка тянулась по густому лѣсу, и только рѣдко-рѣдко можно было заглянуть съ нея сквозь небольшую прогалину вдалъ и увидѣть противоположную сторону долины съ возвышающимися надъ нею красивыми горами, которыхъ мы видѣли еще съ перевала. Эта тропинка наскучила намъ еще больше, чѣмъ длинный подъемъ со дна долины Пелуха. По ней мы ѿхали часа четыре. Наконецъ, она пошла сильно внизъ и вывела насть на самое дно долины Мзымты. Здѣсь стали понадаться довольно длинныя поляны, которые располагаются между правымъ берегомъ рѣки и горами, ограничивающими долину ея съ правой-же стороны. Наибольшая изъ полянъ этой мѣстности извѣстна подъ именемъ Энгельманской. Она находится верстахъ въ 15 отъ истоковъ Мзымты. Вдолъ самаго берега рѣчки и здѣсь тянется узкой полосой лѣсъ, окаймляющій рѣчу съ обѣихъ сторонъ. Энгельманская поляна и сосѣднія съ нею были уже болѣе или менѣе выбиты скотомъ, который пасется въ этихъ мѣстахъ или только проходитъ черезъ нихъ, когда его гонять на горныхъ пастбища къ верховьямъ Мзымты. На нѣкоторыхъ изъ этихъ полянъ сдѣланы изъ плетня базы для загона скота. За семи-восьми-часовое путешествіе по лѣсу я видѣлъ въ двухъ мѣстахъ слѣды дикихъ козъ и мѣстахъ въ 4-5 слѣды кабановъ и медвѣдей; оленыхъ же слѣдовъ въ долинѣ Мзымты мы не встрѣчали вовсе. Птицъ намъ попадалось вообще мало, но чаще другихъ сойки, черные дрозды и дятлы (*Picus Pelzami Bogd.*).

На Энгельманской полянѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ берега Мзымты мы сдѣлали привалъ, чтобы отдохнуть, закусить и покормить своихъ лошадей. На днѣ долины здѣсь растутъ только лиственные лѣса, особенно много орѣшика (*Corylus Avellana*) и ольхи, на склонахъ же горъ, окаймляющихъ долину Мзымты, очень много хвойныхъ насажденій; особенно лѣсиста

лѣвая сторона ея, обращенная къ сѣверу. По ней на огромномъ пространствѣ тянутся густые пихтовые лѣса, вверху окаймленные, какъ вездѣ въ горахъ, широкимъ поясомъ свѣтло-зеленыхъ березовыхъ зарослей. Что касается самой рѣчки, то она имѣеть здѣсь шаговъ 20-25 въ ширину и течетъ очень быстро по заваленному камнями руслу. Теченіе ея, однако, гораздо медленнѣе, чѣмъ Лабенка выше Умыря. Вода въ ней очень чиста и имѣеть голубоватый цвѣтъ. Недалеко отъ Энгельманской поляны находится другой минеральный источникъ. Онъ также обозначенъ на пятиверстной карте и принадлежитъ къ углекислымъ, но содержитъ, какъ мнѣ сообщали, гораздо больше углекислаго газа, чѣмъ тотъ, который находится вблизи караулки. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть его, такъ какъ мы сами и наши проводники были здѣсь въ первый разъ и, руководствуясь одной лишь картой, не могли отыскать въ лѣсу этотъ источникъ.

Въ незначительномъ разстояніи отъ Энгельманской поляны наша тропинка снова вошла въ лѣсъ и снова начались кручи, балки и грязь. Намъ пришлось то ѿхать, то плесться пѣшкомъ по лѣсной тропѣ еще часа три, если не больше, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда же наступить конецъ этому утомительному странствованію. Верстахъ въ 10 отъ Энгельманской поляны лѣсъ началъ замѣтно рѣдѣть и среди него начали чаще и чаще встрѣчаться полянки. Кроме того, и характеръ его въ этихъ мѣстахъ значительно измѣнился: многія лиственные породы уже перестали попадаться на глаза, пихты спустились до самаго дна ущелья и все чаще и чаще началь встрѣчаться горный кленъ. Все это показывало, что лѣсъ уже кончается и что скоро должны начаться альпійские луга, такъ давно ожидаемые нами. Дѣйствительно, немного времени спустя, мы выѣхали на болѣе или менѣе открытыя мѣста и, продолжая подвигаться впередъ, могли уже осматриватьсосѣднія высокія горы и любоваться ими. Грязи, отравлявшіе намъ въ этотъ день все удовольствіе путешествія, здѣсь почти не было. Наконецъ, сплошной лѣсъ остался позади насть, начались красивые горные луга, среди которыхъ росли только высокія одиночныя пихты и небольшія рощицы горнаго клена, состоящія изъ очень красивыхъ деревьевъ съ пышной округленной кроной. Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ болѣе обхваты въ толщину, имѣютъ довольно значительную высоту и такъ сильно унизаны крылатками яркаго розово-краснаго цвѣта, что издали кажутся не зелеными, а совсѣмъ красными. Еще выше, передъ

началомъ настоящихъ горныхъ луговъ, лѣсъ въ верховыхъ Мзымты состоить почти исключительно изъ горнаго клена, а рядомъ съ нимъ встрѣчаются довольно большія пространства, покрытыя мелкимъ березнякомъ. На многихъ полянахъ въ этихъ мѣстахъ бродилъ имеретинскій скотъ и видны были балаганы пастуховъ. Къ одному изъ нихъ мы подѣхали часовъ въ шесть вечера для того, чтобы спросить, далеко-ли отсюда до истоковъ Мзымты и до озера Кардывича *), о красотѣ котораго я не разъ слышалъ и которое очень хотѣли посмотретьъ всѣ мои спутники. Намъ отвѣтили, что до озера осталось еще версты двѣ и что оно лежитъ за березовымъ лѣскомъ, видѣвшимся впереди насы.

Мы уже видѣли отчетливо тѣ скалистыя горы, которыхъ замыкаютъ высокой стѣной долину Мзымты и дальше которыхъ она не могла уже продолжаться. До этихъ горъ было, повидимому, очень близко, но я зналъ, какъ обманчиво бываетъ въ горахъ разстояніе, и потому не особенно довѣрялъ своимъ глазамъ.

Проехавъ отъ балагана версты двѣ, а, можетъ быть, и нѣсколько больше, и не видя никакихъ признаковъ близости озера, мы рѣшили спросить снова о разстояніи до него у имеретинъ, кошъ которыхъ находился недалеко отъ дороги. Одинъ солидный мужчина отвѣтилъ намъ, что до озера остается еще версты три или четыре, и прибавилъ при этомъ такъ же, какъ и спрошенный раньше, что озеро находится за тѣмъ лѣскомъ, который былъ виденъ вдали. Этотъ отвѣтъ, въ особенности въ первый моментъ, немало смущилъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣдніе полчаса мы какъ будто-бы не только не приблизились къ озеру, а даже удалились отъ него версты на двѣ. Но такой курьезъ объяснялся очень просто тѣмъ, что первый имеретинъ или обманулъ насъ, или имѣлъ очень невѣрное представленіе о верстахъ, что и очень вѣроятно.

Проехавъ отъ послѣдняго коша еще версты двѣ, мы продолжали видѣть впереди себя березовые лѣски, а озера все не было. Такъ какъ всѣ мы были порядочно утомлены Ѣздой и ходьбой въ теченіе цѣлаго дня по сквернымъ грязнымъ тропинкамъ, да и лошади наши порядочно устали, то я рѣшилъ было остановиться на одной полянѣ и отложить дальнѣйшее путешествіе до слѣдующаго утра; но эта поляна оказалась такой неровной, что на ней нельзя было ни разбить палатки, ни расположиться сколь-

*) Озеро это называется также другимъ именемъ—Мзымт-адзымъ (Н. Альбовъ. Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ Абхазіи въ 1890 г.).

ко нибудь сносно; кромѣ того, она была удалена отъ воды. Такимъ образомъ, надо было продолжать путь. Проехавъ еще сажень 150, мы нашли болѣе удобное мѣсто въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега Мзымты и недалеко отъ одного имеретинскаго коша. Отсюда, какъ сообщили намъ имеретины, хозяева баранты, ходившей неподалеку, надо было проѣхать не болѣе трехъ-четырехъ верстъ по березовому лѣсу, да нѣсколько десятковъ сажень по открытой мѣстности, чтобы попасть на самый берегъ озера Кардывича. На этотъ разъ намъ сказали, наконецъ, правду, въ чемъ мы сами вскорѣ уѣдились. Дѣйствительно, проѣхавъ черезъ лѣсокъ по сильно заросшей и мѣстами довольно грязной тропинкѣ, мы увидѣли, наконецъ, чудное альпійское озеро, которое вмѣстѣ съ окружающей его мѣстностью поразило насъ своей необыкновенной красотой. Оно лежитъ у самаго подножія Главнаго хребта въ котловинѣ, окруженнѣй почти со всѣхъ сторонъ высокими горами, имѣть около версты въ длину и съ полверсты въ ширину. Вода въ немъ необыкновенно чиста, въ высшей степени прозрачна и издали кажется не только темной, но почти черной. Озеро имѣеть болѣе или менѣе крутые берега, за которыми разстилаются великолѣпные, свѣжіе, изумрудно-зеленые альпійскіе луга съ разбросанными по нимъ стольтными пихтами. За этими лугами внизъ по долинѣ Мзымты тянется уже настоящій лѣсъ. Будучи защищено со всѣхъ сторонъ горами, это озеро почти никогда не волнуется вѣтромъ и имѣеть гладкую, какъ зеркало, поверхность воды, въ которой отражаются всѣ сосѣдніе предметы: деревья, луга, скалы и горы. Если стать на берегу озера, то сквозь прозрачныя воды его можно видѣть даже самые мелкие предметы, находящіеся на днѣ. По мѣрѣ удаленія отъ береговъ глубина озера быстро увеличивается, доходя даже вблизи берега, вѣроятно, до нѣсколькихъ сажень; еще дальше озеро представляется бездонной пучиной, наполненной черно-зеленою жидкостью *). Если бросить въ озеро недалеко отъ берега камень, то можно наблюдать въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ погружается все глубже и глубже, постепенно теряясь изъ вида, но долго еще не доходитъ до дна. За горными лугами,

*) Глубину озера, какъ сообщили мнѣ имеретины, измѣрялъ посредствомъ лота одинъ изъ инженеровъ, дѣлавшихъ изысканія для проведенія шоссе черезъ перевалъ Аишхо. По его измѣреніямъ, наибольшая глубина озера оказалась равной 9 саженямъ, но мнѣ кажется, что она должна быть еще больше.

окружающими озеро, громоздятся стѣны изъ черныхъ зубчатыхъ скалъ, на которыхъ кое-гдѣ видна зелень, и, кроме того, спускаются длинныя извилистыя полосы снѣга; здѣсь-же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежать и порядочныя снѣжныя поля; съ нихъ устремляется внизъ множество быстрыхъ и блестящихъ, какъ серебро, горныхъ ручьевъ. Всѣ они несутъ чистую, прозрачную, какъ роса, воду и очень рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ скалъ; соединившись въ нѣсколько значительныхъ потоковъ, они направляются къ озеру. Съ западной же стороны этого послѣдняго медленно вытекаетъ довольно порядочная рѣчка, которая безшумно катитъ свои воды по ровному дну, усыпанному мелкими гальками. Это и есть главнѣйший истокъ Мзымы, питаемый снѣгами Главнаго Кавказскаго хребта. Расположено озеро на высотѣ болѣе 5600 фут. надъ ур. моря.

Возвратившись съ озера къ своей стоянкѣ, мы отправились къ сосѣднему имеретинскому кошу, чтобы купить тамъ сыру и молока. Насъ привѣтливо встрѣтилъ высокій стройный молодой человѣкъ съ очень пріятнымъ выразительнымъ лицомъ. Каждому изъ насъ онъ подалъ по огромной деревянной чашѣ очень вкуснаго кислого молока, которое мы тотчасъ-же выпили съ большимъ удовольствиемъ. Послѣ этого мы попросили продать намъ сыра и тотчасъ получили два порядочныхъ круга его; но когда мой спутникъ Г. С. В. сталъ давать молодому человѣку деньги за сыръ, онъ не только не взялъ ихъ, а жестами и выражениемъ лица даль намъ понять, что мы, предлагая деньги, обижаемъ его. Сколько мы ни уговаривали его взять съ насъ какую-нибудь плату, все это ни къ чему не привело, и сыръ пришлось принять, какъ подарокъ. Чтобы хоть сколько-нибудь отблагодарить любезнаго незнакомца, мы пригласили его вмѣстѣ съ братомъ къ намъ на чай утромъ и вечеромъ. Чай и какао они пили съ удовольствиемъ, но сардинки, которыми мы надѣялись доставить имъ удовольствіе, они нашли совсѣмъ невкусными. При прощаніи мы подарили имъ немного пороху. Изъ нашихъ вещей понравились имъ больше всего бинокль и моя американская магазинная винтовка, стрѣляющая бездымнымъ порохомъ и пулями въ мельхиоровой оболочкѣ.

Наша стоянка находилась на правомъ берегу Мзымы, версты на двѣ ниже озера Кардывича на высотѣ болѣе 5400 ф. надъ ур. моря. Около нея разстилались пышные луга, на которыхъ цвѣли пахучія лиліи (*Lilium monadelphum*), *Aster Caucasicus*, незабудки (*Myosotis alpestris*), акониты (*Aconitum Orientale* и *A. variegata*).

Музейного Комитета
Санкт-Петербургской Академии Наук
Санкт-Петербург

tum), *Delphinium*, водосборы (*Aquilegia Olympica*) и многія другія травянистыя растенія. Рядомъ съ горными лугами росли лѣса и перелѣски, состоящіе изъ березы, рябины, бука, пихты и горнаго клена. Гораздо большее пространство занимали лѣса на противоположной, т. е. на лѣвой сторонѣ Мзымы. Тамъ силошныя пихтовыя насажденія тянулись на многія версты, а надъ ними поднимались высокія горы, на которыхъ видны были не только снѣжныя поля, но и довольно большия глетчеры. Наиболѣе высокую изъ этихъ горъ имеретины называли Вадагаромъ. На ней лежитъ много снѣга, а правѣ ея находится другая очень высокая гора съ двумя ледниками, спускающимися къ долинѣ Мзымы. Они имѣютъ порядочные размѣры, пересекаются множествомъ трещинъ, но оканчиваются очень высоко, и потому могутъ быть причислены только къ ледникамъ второго разряда. Принадлежать они хребту, который тянется между долинами Мзымы и Псоу, но отстоѣть отъ верховьевъ Мзымы довольно далеко. Изъ птицъ въ верховьяхъ Мзымы мы видѣли вороновъ, альпійскихъ воронъ (*Fregilus graculus*), альпійскихъ галокъ (*Pyrhocorax alpinus Wiel.*), пѣничекъ, нѣсколькихъ оляпокъ, снигирей и очень много бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata*). Змѣй въ долинѣ Мзымы мнѣ не попадалось вовсе, но имеретины говорили, что часто видятъ на горахъ толстыхъ короткихъ испещренныхъ черными пятнами змѣй. Очевидно, это *Vipera xanthina Gray*, которая живетъ и въ верховьяхъ Малой Лабы. Версты на три ниже нашей стоянки въ Мзыму впадаетъ небольшая горная рѣчка, по ущелью которой тянется тропа на перевалъ Хехударъ, ведущій изъ долины Мзымы къ верховьямъ р. Уадхары, принадлежащей уже бассейну Бзыби. Ущелье этой рѣчки тянется на протяженіе всего лишь верстъ пяти и на большей части пространства покрыто лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ хвойныя породы, именно пихта съ примѣсью восточной ели (*Picea Orientalis*). Перевалъ Хехударъ описанъ Н. Альбовымъ въ упомянутой уже мною статьѣ. Онъ принадлежитъ тому хребту, который представляетъ какъ-бы перемычку между Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и хребтомъ, ограничивающимъ долину Мзымы съ лѣвой стороны. Хехударъ сравнительно низокъ и едва достигаетъ верхней границы лѣса. На немъ растетъ горный кленъ, букъ, орѣшникъ, рябина, береза и ивнякъ (*Salix caprea*). Ледниковъ и вѣчныхъ снѣговъ на немъ, конечно, не можетъ быть. Такъ какъ черезъ этотъ перевалъ прогоняютъ довольно много скота изъ Черноморской губерніи въ Сухумскій округъ, то у тропы,

ведущей къ нему со стороны Мзымты, поставленъ ветеринарный постъ. Что касается хребта, который тянется вправо отъ перевала параллельно Главному хребту и ограничиваетъ долину Мзымты съ лѣвой стороны, то онъ отличается значительной высотой (нѣкоторыя вершины его поднимаются до 10700 ф.). Отдѣльные части, покрытыя вѣчными снѣгами и ледниками и извѣстныя подъ именемъ Адзитуко, Аюмга и т. д., вскользь описаны покойнымъ Н. Альбовымъ и ждутъ еще изслѣдователей.

Съ верховьевъ Мзымты мы должны были отправиться въ обратный путь на перевалъ Аишхо, но на этотъ разъ избрали болѣе короткую дорогу, о которой я уже говорилъ при описаніи спуска съ перевала. Намъ надо было проѣхать прежнимъ путемъ внизъ по долинѣ Мзымты верстъ 12, а около Энгельманской поляны круто повернуть вправо, на горы, ограничивающія долину Мзымты съ правой-же стороны. Съ верховьевъ Мзымты мы выступили въ девятомъ часу утра и къ полудню добрались до поляны, гдѣ наша новая дорога отдѣлилась отъ старой. Здѣсь мыостояли до 4-го часа, такъ какъ въ самое жаркое время дня подниматься на длинную и такую крутую гору было-бы очень тяжело какъ для нась, такъ и для нашихъ лошадей.

Первые сажень сто мы проѣхали верхами, а затѣмъ надо было спѣшиться и подниматься на кручу по открытой мѣстности подъ палящими лучами солнца. Когда мы взошли въ лѣсъ, тропинка потянулась въ немъ вдоль неглубокой балки, но вскорѣ отошла отъ нея въ сторону. При началѣ лѣса она была довольно сильно убита, а дальше дѣлалась все менѣе и менѣе замѣтной и часто терялась совершенно; тогда мы принуждены были итти лѣсной чащей, придерживаясь лишь извѣстнаго направленія, до тѣхъ поръ, пока снова не попадали на тропинку. На значительной части своего протяженія она гораздо больше напоминала звѣриную тропу, по которой бродятъ волки или медвѣди, чѣмъ дорогу, находящуюся въ пользованіи человѣка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она была кромѣ того завалена сломанными бурей деревьями. Надо замѣтить, что никто изъ нась въ этой мѣстности никогда не былъ,—поэтому намъ особенно трудно было находить эту извивающуюся среди безконечнаго лѣса едва замѣтную тропинку. Большую часть ея намъ пришлось пройти пѣшкомъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ она очень круто поднималась на гору. Лѣсъ, окружающій ее, внизу, при началѣ подъема, состоялъ изъ различныхъ лиственныхъ породъ, въ средней части главнымъ образомъ

изъ крупныхъ высокоствольныхъ буковыхъ насажденій, а еще выше изъ пихты съ примѣсью бука.

По этой тропинкѣ мы поднимались около трехъ часовъ и наконецъ выбрались на верхъ того отрога Главнаго Кавказскаго хребта, который отдѣляется отъ него у горы Аишхо и тянется между долинами Пслуха и Мзымты. Когда подъемъ почти кончался, стали попадаться небольшія поляны, заросшія высокимъ, какъ лѣсъ, бурьянномъ. Кромѣ того, всѣ онѣ были усыпаны торчащими изъ земли острыми угловатыми камнями. Щѣхать по нимъ было невозможно, такъ какъ лошадь каждую минуту могла наткнуться на скрытый въ бурьянѣ камень, упасть и искалѣчить не только себя, но и всадника. По такимъ мѣстамъ намъ пришлось пробираться безъ всякой дороги еще часа полтора или два и перейти нѣсколько неглубокихъ котловинъ и балокъ. Одно мѣсто, представляющее цѣлый хаосъ камней и почти сплошь заросшее высокими кустами кавказской черники, калины-гордовины и бурьяна, показалось намъ особенно плохимъ. На немъ мы и наши лошади едва не выломали себѣ ноги.

Передъ вечеромъ мы выбрались на самый гребень хребта и на чистомъ открытомъ мѣстѣ разбили палатку. На сѣверѣ, врестахъ въ трехъ отъ насъ, высокой стѣной поднимался Главный Кавказскій хребетъ. Онъ былъ виденъ отъ основанія до самаго гребня, но отдѣлялся отъ насъ глубокой долиной. На немъ можно было узнать гору Аишхо и перевалъ, черезъ который намъ предстояло перебраться во второй разъ. Во всѣхъ другихъ направленияхъ отъ нашей стоянки также видно было много высокихъ горъ и очень красивыхъ ущѣлій, причемъ нѣкоторыми изъ нихъ мы могли любоваться съ высоты птичьаго полета.

Утромъ на слѣдующій день мы встали очень рано. Такъ какъ небо было покрыто облаками, то я уговаривалъ своихъ спутниковъ поскорѣе отправляться въ путь, чтобы перебраться черезъ перевалъ какъ можно раньше, когда съ большей вѣроятностью можно было надѣяться на сносную погоду. Такъ какъ по пути къ перевалу намъ предстояло перейти безъ всякой дороги черезъ нѣсколько балокъ, заросшихъ громаднымъ бурьяномъ и заваленныхъ камнями, то мы договорили одного имеретина, жившаго на копѣ, который находился недалеко отъ нашего ночлега, провести нась до того мѣста, гдѣ намъ не трудно будетъ находить дорогу безъ посторонней помощи.

Выступили мы въ седьмомъ часу утра. Во многихъ мѣстахъ

на нашемъ пути не было ни малѣйшихъ признаковъ тропинки и стоялъ бурьянъ вышиною не менѣе сажени. Особенно громаднаго роста онъ достигалъ въ балкахъ и котловинахъ. Камни, ямы и водомоины попадались въ немъ на каждомъ шагу. Безъ проводника, хорошо знакомаго съ этими мѣстами, намъ, дѣйствительно, было-бы очень трудно найти дорогу. Пробираться по нимъ пришлось, вирочемъ, сравнительно недолго, такъ какъ за полтора часа мы прошли черезъ всѣ балки и выбрались на знакомую намъ тропу, по которой спускались съ перевала Аишхо нѣсколько дней тому назадъ. Здѣсь итти было гораздо лучше, а кое-гдѣ можно было пройтись верхомъ, но въ это время насы накрылъ такой густой туманъ, сквозь который нельзѧ было ничего видѣть даже въ 20 шагахъ, и, кромѣ того, съ гребня Кавказскаго хребта на встрѣчу намъ подулъ сильный и холодный вѣтеръ. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не существовало никакой другой тропы кромѣ ведущей на перевалъ, то сбиться съ нея мы не могли; но вѣтеръ для насы былъ крайне непріятенъ. Перелѣзая изъ балки въ балку и взираясь затѣмъ форсированнымъ шагомъ на страшно крутую гору, которая тянулась на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, мы были въ сильнѣйшей испаринѣ, а въ это же время сырой холодный вѣтеръ насквозь пронизывалъ насы. Я шель въ суконномъ пиджакѣ, довольно плотномъ, но его на мнѣ какъ будто-бы не было, а мокрая холодная рубашка при прикосновеніи къ тѣлу вызывала такое ощущеніе, точно къ нему прикладывали ледъ или снѣгъ. Приблизительно то-же испытывали, вѣроятно, и всѣ мои спутники. Я невольно вспомнилъ въ это время про различнаго рода фуфайки, къ которымъ не прибѣгалъ еще ни разу во время своихъ путешествій. Особенно непріятно было то, что мы не могли остановиться ни на одну минуту, чтобы перевести духъ и дать успокоиться сердцу, такъ какъ во время остановокъ холодный вѣтеръ еще сильнѣе давалъ себя чувствовать.

Когда до перевала оставалось версты полторы, вѣтеръ и холодъ усилились еще больше, и я принужденъ былъ надѣть на себя еще другой суконный пиджакъ. Раньше сдѣлать это было не-выгодно, такъ какъ пришлось бы вспотѣть еще больше, а теперь оказалось очень кстати. Часовъ въ 11 дня, наконецъ, вступили мы въ неглубокую сѣдовину между двухъ горъ и, когда туманъ немного разсѣялся, тотчасъ узнали въ ней перевалъ Аишхо. Въ это время на сѣверномъ склонѣ стояла ясная погода, и мы съ удовольствіемъ могли смотрѣть на хорошо знакомыя намъ доли-

ны и ущелья Кубанской области. Съ перевала на протяженіи верстъ двухъ или трехъ можно былоѣхать на лошади, но я предпочелъ пройти эту часть пути пѣшкомъ, чтобы остыть постепенно и собственной теплотой высушить свое бѣлье. Внизъ шли мы гораздо быстрѣе и скоро добрались до того мѣста, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ ночевали передъ подъемомъ на перевалъ, затѣмъ перешли черезъ осыпи и вступили въ лѣсъ. Когда до ветеринарного поста оставалось съ версту, насы захватилъ сильнѣйший дождь съ грозой. Надѣясь, что такой ливень кончится очень скоро, я слѣзъ съ лошади и, чтобы переждать его, сталъ подъ густой столѣтней пихтой, которую, какъ казалось мнѣ, никакой дождь пробить не можетъ. Въ это время было нѣсколько оглушительныхъ ударовъ грома; раздаваясь съ особеною силой въ узкомъ ущельѣ, они каждый разъ наводили такой страхъ на мою лошадь, что я едва могъ удерживать ее за поводъ; дождь-же лилъ въ это время какъ будто-бы не каплями, а водяными веревками, свѣшивающимися изъ тучъ. Крутая гора, поднимавшаяся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, была почти не видна сквозь низвергавшіеся съ неба потоки воды. Я простоялъ подъ пихтой минутъ двадцать; черезъ нее начали уже падать на меня крупные капли, а дождь не только не прекращался, а временами даже замѣтно усиливается. Ждать мнѣ надоѣло, съ вѣтвей пихты начала все сильнѣе и сильнѣе течь вода, и я, не предвидя конца дождю, рѣшилъ скорѣѣхать на постъ. Добравшись до него, я засталъ тамъ П. А. Петрова и своихъ спутниковъ, уже успѣвшихъ преодѣлиться въ сухое платье. Едва сбросилъ я съ себя верхнюю одежду, какъ пересталъ и дождь.

На посту мы простояли около сутокъ, такъ какъ должны были дать отдыхъ лошадямъ, а потомъ отправились на Умырь. Дорога къ нему сдѣлалась еще хуже, чѣмъ была прежде, а кое-гдѣ оказалась совершенно смытой во время послѣдняго ливня. Въ одномъ мѣстѣ надъ глубокимъ обрывомъ, гдѣ тропа пересѣкала небольшую балочку, вода нанесла на нее цѣлые груды камня и щебня, по которымъ никакъ нельзѧ было провести лошадей. Кромѣ того, буря повалила здѣсь на тропу огромную пихту, разбившуюся на двѣ части. Провести лошадей ни вправо, ни влево было невозможно, такъ какъ съ одной стороны возвышалась круча, а съ другой находился крутой скалистый обрывъ, свалившись съ которого лошадь должна была-бы погибнуть непремѣнно. Надѣ расчисткой этого мѣста всѣ мы, въ числѣ пяти человѣкъ,

проработали полтора часа, потомъ перенесли на своихъ плечахъ всѣ наши выюки и послѣ этого уже съ немалымъ рискомъ провели лошадей. Проѣхавъ версты двѣ, мы встрѣтили еще одно мѣсто, гдѣ тропа была испорчена, но здѣсь намъ пришлось поработать всего лишь минутъ двадцать. Наконецъ, часа въ три поно-лудни мы прибыли на Умпры.

IV.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, путешествуя въ верховьяхъ Бѣлой, я посѣтилъ между прочимъ ущелье Уруштена. Тогда-же мною было описано это ущелье *), но, такъ какъ въ то лѣто мнѣ не удалось добраться до самыхъ истоковъ рѣчки и до перевала Псеашхо, то я предпринялъ вторую поѣздку въ эти мѣста, рѣшивъ осмотрѣть кстати и ту часть долины Мзымы, которая находится непосредственно за переваломъ Псеашхо. Описаніе послѣдней поѣздки я начинаю съ того момента, когда мы выступили изъ лагеря В. К. Сергія Михайловича, построеннаго на берегу Уруштена и у самой тропы, которая ведетъ изъ Псебая черезъ Ятыр-гварту на переваль Псеашхо и Красную Поляну. Мѣсто это отстоитъ отъ перевала верстъ на 15.

Дорога на переваль Псеашхо выше уруштенскаго лагеря идетъ по узкому заросшему почти сплошь лѣсомъ ущелью, въ которомъ кое-гдѣ только встрѣчаются небольшія поляны. Тропа, находящаяся здѣсь, очень плоха, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже едва замѣтна, несмотря на то, что по ней давно уже производится сообщеніе между жителями Черноморской губерніи или бывшаго Черноморскаго округа и Кубанской области. Она тянется то по осыпямъ и кручамъ надъ самыми берегомъ рѣчки, то по тонкимъ болотистымъ мѣстамъ и, кромѣ того, нѣсколько разъ переходитъ съ одной стороны рѣчки на другую. Лѣсъ здѣсь болѣе или менѣе мелкій на днѣ ущелья и довольно крупный на склонахъ его. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ лиственныхъ породъ: бук, клена (*Acer platanoides* и *A. Trautvetteri*), березы, вяза, орешика, калины, рябины и т. д. Встрѣчаются также и пихты, а изъ мелкихъ кустарниковъ смородина, малина, рододендроны и жимолость. Изъ папоротниковъ чаще всего попадается *Struthiopteris Germannica* Willd. На болотахъ во многихъ мѣстахъ растутъ хвоши. Пробѣжая по этой тропинкѣ, мы видѣли много медвѣжьихъ слѣдовъ, а

*) Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XIX.

въ одномъ мѣстѣ вспугнули цѣлый гуртъ дикихъ свиней. На горахъ, окружающихъ это ущелье, водятся туры и серны.

Верстахъ въ 10 отъ перевала долина Уруштена замѣтно расширяется и раздѣляется на три отдѣльныхъ ущелья. Одно изъ нихъ, по которому течетъ порядочная рѣчка, впадающая въ Уруштена съ правой стороны, имѣеть верстъ 10-12 въ длину и тянется въ юго-восточномъ направлениѣ *). На востокъ отъ нея ущелье ограничивается амфитеатромъ высокихъ зубчатыхъ скалъ, на которыхъ красивой сѣткой, напоминающей ажурную работу, лежать полосы и пятна снѣга. Подъ ними въ глубокой котловинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами, находится маленький глетчеръ. Влѣво отъ этой котловины тянется еще другая. Въ ней также лежить снѣгъ, внизу переходящій въfirnъ-глетчеръ. Отъ него вѣтается, направляясь внизъ по крутымъ склонамъ, узкая свѣтлая полоска. Это рѣчка, вытекающая изъ глетчера. На одной высотѣ съ нижней частью его тянутся по скаламъ мелкія березовые заросли. Довольно порядочный лѣсокъ находится и въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ ниже глетчера. Изъ этихъ глетчировъ и снѣговъ вытекаетъ много небольшихъ быстрыхъ горныхъ потоковъ, которые впадаютъ въ только что упомянутый притокъ Уруштена. Самая верховья его отсюда, однако, не видны, такъ какъ его ущелье верстахъ въ пяти выше соединенія съ ущельемъ Уруштена поворачиваеть сначала круто на югъ, а потомъ на ЮЗ. Здѣсь рѣчка получаетъ свое начало, какъ уже было сказано, изъ довольно большихъ снѣжныхъ полей той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая находится между перевалами Аишхо и Псеашхо. Въ нижней части это ущелье покрыто лѣсомъ, въ которомъ растеть много пихтъ; надъ лѣсами находятся горные луга, а гребни горъ, окружающихъ ущелье, скалисты и безлѣсны. Путешествуя нѣсколько лѣтъ тому назадъ по горамъ между истоками Бѣлой и Уруштена, я съ гребня ихъ видѣлъ въ описываемомъ ущельѣ небольшое озерцо **).

Верстахъ въ двухъ выше сліянія этой рѣчки съ Уруштеною съ лѣвой стороны впадаетъ въ него-же другая небольшая рѣчка, которая вытекаетъ множествомъ ручьевъ изъ довольно вы-

*) Это та самая рѣчка, ущелье которой мы видѣли съ гребня высокаго хребта, находящагося вблизи одного изъ ледниковъ долины М. Лабы.

**) «Кубанская область въ верховьяхъ Бѣлой и Уруштена». Зап. Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XIX, стр. 75.

сокаго гребня, раздѣляющаго истоки Уруштена и Киши. Пробѣхавъ отъ этихъ мѣстъ еще версты 3-4 вдоль праваго берега Уруштена, мы добрались до того мѣста, гдѣ онъ образуется изъ трехъ рѣчекъ, составляющихъ уже самые истоки его. Въ этомъ мѣстѣ ущелье Уруштена сильно расширяется и превращается въ красивую долину, отчасти заросшую лѣсомъ, а отчасти покрытую горными лугами. Отсюда виденъ и наибольшій глетчеръ истоковъ Уруштена; здѣсь-же на возвышенномъ мѣстѣ около сліянія двухъ истоковъ Уруштена выстроенъ постъ для ветеринарной стражи. Онъ находится на высотѣ около 5820 фут. надъ уровнемъ моря и имѣть небольшую комнатку для ветеринарнаго врача; ею намъ предложилъ воспользоваться П. А. Петровъ дня на три, которые я предполагалъ употребить на осмотръ глетчера и другихъ сосѣднихъ съ переваломъ мѣстъ.

На постѣ мы приѣхали часовъ въ шесть вечера. Въ это время глетчеръ, находившійся къ востоку отъ насъ, былъ очень ярко и красиво освѣщенъ косыми лучами солнца, готоваго скрыться за гребнемъ горъ. Только въ одномъ мѣстѣ на гребнѣ зубчатаго барьера скаль, окружающихъ глетчеръ, висѣла густая свинцово-серая туча; всѣ прочія горы были совершенно чисты. Прежде чѣмъ солнце зашло за горы, я успѣлъ сдѣлать фотографической снимокъ съ перевала и глетчера.

Переночевавъ на посту, мы встали въ шестомъ часу утра. Погода была прекрасная; нигдѣ на горахъ не было видно ни одного облачка, а небо имѣло чудный темно-синій цвѣтъ. Глетчеръ въ это время еще не былъ освѣщенъ солнцемъ и оставался погруженнымъ въ глубокую тѣнь. Онъ представлялся синевато-серымъ и какимъ-то мрачнымъ, холоднымъ. Впереди насъ находилась правильная, имѣющая видъ широкаго конуса гора, возвышавшаяся на самомъ перевалѣ вправо отъ тропы, которая ведеть черезъ него. На этой горѣ во многихъ мѣстахъ уже блестѣло солнце. Термометръ показывалъ въ шестомъ часу только 5° тепла. Мы послѣдили воспользоваться чудной погодой для осмотра перевала и его окрестностей.

Перевалъ Псеашхо принадлежитъ къ сравнительно низкимъ: высота его надъ уровнемъ моря равняется всего лишь 6870 ф. Въ этомъ отношеніи онъ только на 620 фут. превосходитъ Бѣлорѣченскій или Шитлибскій перевалъ и значительно уступаетъ переваламъ, находящимся въ верховьяхъ Б. Лабы. Подъемъ на него очень пологъ. На самомъ перевалѣ нѣтъ ни скаль, ни боль-

шихъ камней, а вездѣ растетъ зеленая трава со множествомъ красивыхъ цвѣтовъ: буковицѣ (*Betonica grandiflora*), *Polygonum Bistorta*, персидской ромашки (*Rutetrum roseum*), гераней, примулъ, вероники и т. д.; кроме того, здѣсь въ изобилии встречаются конскій щавель (*Rumex crispus*) и чемерица (*Veratrum album*). Окружающіе переваль склоны горъ почти сплошь покрыты рододендронами. Перевалъ представляетъ довольно глубокую сѣдовину, сильно удлиненную съ сѣвера на югъ. По сторонамъ его возвышаются двѣ довольно породочныхъ горы, имѣющія видъ болѣе и менѣе правильныхъ пирамидъ. Снѣга на нихъ нѣтъ почти нигдѣ, высота-же ихъ равняется приблизительно 8000 фут. На этомъ перевалѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, начинаются истоки Пслуха и Уруштена, направляющихся въ совершенно противоположныя стороны: первый течеть на югъ, въ Мзымту и, следовательно, въ Черное море, а второй на сѣверъ, въ Лабу, впадающую въ Кубань. Пслухъ начинается на самомъ перевалѣ маленькимъ, свѣтлымъ, медленно текущимъ ручейкомъ, въ который вливаются вскорѣ множество другихъ. Изъ нихъ очень скоро составляется большая шумная рѣчка, сразу уходящая въ страшно глубокое и крутое ущелье, покрытое лѣсомъ. Это и есть самое начало ущелья Пслуха, о которомъ говорилось при описаніи пути съ перевала Аишхо въ долину Мзымты. Течеть Пслухъ сначала на ЮВ., потомъ на Ю, а затѣмъ постепенно поворачиваетъ къ ЗЮЗ. Если проѣхать отъ перевала съ версту на югъ, то можно видѣть большую часть этого ущелья и сосѣднія съ нимъ горы. На востокѣ отъ перевала въ гребнѣ Главнаго хребта возвышается черная, высокая, крутая и скалистая гора высотою, вѣроятно, не менѣе 10 $\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ. На ней лежитъ немного снѣга. Еще дальше за ней виденъ цѣлый рядъ зубцовъ Главнаго хребта, а южнѣе ихъ тянется глубокое и длинное ущелье Мзымты, съ обѣихъ сторонъ окаймленное высокими горами. Эти горы и здѣсь имѣютъ такой-же характеръ, какъ противъ Аишхо: вверху онъ состоять изъ скаль, подъ ними тянется узкій поясъ горныхъ луговъ, граничащий съ поясомъ свѣтло-зеленыхъ березовыхъ зарослей, а еще ниже вѣковые лѣса, которыхъ почти не касалась рука человѣка. Вверху они состоять изъ пихтовыхъ насажденій, но не совершенно чистыхъ, а съ большей или меньшей примѣсью бука и другихъ лиственныхъ породъ. Чистыхъ пихтовыхъ насажденій, подобныхъ насажденіямъ сѣвернаго склона, здѣсь, какъ кажется, нѣтъ вовсе. Кроме того,

ихъ поясь въ долинѣ Мзымты довольно узокъ, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ поясомъ этихъ насажденій въ Кубанской области. На это вліяетъ, конечно, не одинъ климатъ, но и относительно большая крутизна горъ южнаго склона.

Съ мѣстъ, лежащихъ немного южнѣе перевала, видна также Красная Поляна или Романовскъ. Она представляется отсюда пестрымъ островкомъ среди безконечнаго моря лѣсовъ. Несмотря на то, что Красная Поляна расположена ниже перевала слишкомъ на 5000 фут. и отстоитъ отъ него верстъ на 15 по прямой линіи, ее видно отлично, и кажется, что до нея не болѣе 5-6 верстъ. Съ Псеашхо можно ясно различить, что она состоитъ изъ одной широкой улицы и нѣсколькоихъ десятковъ домиковъ съ бѣлыми крышами, разбросанныхъ по бокамъ ея. Ниже ихъ по долинѣ Мзымты видна еще группа болѣе солидныхъ построекъ. Около поселка блестятъ золотисто-желтымъ цвѣтомъ хлѣбныя поля, а къ западу отъ него поднимается высокая гора Ачишхо, которая только на самомъ верху не покрыта лѣсомъ. Широкая и притупленная вершина ея почти лишена снѣговъ. Высота Ачишха равняется 7757 фут. Ниже и по сторонамъ Красной Поляны всѣ горы покрыты сплошнымъ лѣсомъ; рѣдко-рѣдко виднѣется среди него какая-нибудь выдающаяся скала или небольшая осыпь.

Если проѣхать отъ перевала версты три на югъ, то можно видѣть южный склонъ той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая тянется на западъ отъ Псеашхо. Этотъ хребетъ необыкновенно крутъ, въ особенности съ южной стороны, гдѣ онъ на всемъ своемъ протяженіи представляетъ почти отвесную черную стѣну высою въ цѣляя тысячи футовъ. Зубчатый гребень его кажется острымъ, какъ настоящій ножъ или пила; по нему, навѣрно, не можетъ пройти ни человѣкъ, ни звѣрь. У подножья этой черной стѣны тянется узкая полоска горныхъ луговъ, а подъ нею мелкій березнякъ и густыя заросли низкорослого бука. Высота этого гребня, навѣрное, не менѣе 10000 ф. Снѣга и небольшие глетчеры сѣвернаго склона его питаютъ Кишу (Чегсъ на пятиверстной картѣ Кавказа), впадающую въ Бѣлую; съ южной же стороны его вытекаетъ р. Пузико, притокъ Мзымты. На востокѣ этотъ гребень оканчивается не особенно высокой и покрытой лишь небольшими пятнами снѣга горой Дзитаку, обозначенной на пятиверстной картѣ Кавказа и отстоящей версты на четыре отъ перевала Псеашхо; на западѣ же онъ образуетъ пологій изгибъ къ сѣверу и доходитъ такимъ образомъ до Шугуса, наиболѣе высокой горы этихъ мѣстъ

(10642 фута). У восточнаго конца изгиба поднимается очень высокая и острая гора, на южной сторонѣ которой, начиная отъ самой вершины, тянется большое снѣжное поле, раздѣленное гребнемъ черныхъ скалъ на двѣ неравнныя части. Это, вѣроятно, г. Ассара, также обозначенная на пятиверстной картѣ Кавказа. Что касается Шугуса, то онъ отсюда не виденъ, такъ какъ его закрываютъ ближайшія горы.

Почти у самого перевала къ долинѣ Уруштена съ лѣвой стороны подходитъ еще одна просторная, но короткая (версты въ три) долина. Съ сѣвера и юга она окаймлена высокими горами, дно-же ея плоское, ровное и представляетъ почти сплошное болото. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на немъ растутъ, какъ на настоящихъ торфяникахъ сѣвера, почти одни только мхи, въ другихъ же различныя болотныя травы. Мѣстами оно настолько топко, что по нему нельзя проѣхать на лошади. Эта долина едва возвышающейся узкой перемычкой отдѣляется отъ глубокаго и крутого скалистаго ущелья одного изъ истоковъ Пузико. На перевалѣ Псеашхо находится еще нѣсколько маленькихъ, но очень красивыхъ и, повидимому, довольно глубокихъ озерковъ. Они наполнены чистой прозрачной водой густого синяго цвѣта. Одно изъ нихъ имѣетъ сажень 30 въ длину и находится очень близко отъ тропы, ведущей черезъ перевалъ, а два другихъ въ только что описанной боковой долинѣ.

Деревья и кустарники доходятъ почти до самого перевала Псеашхо. Низкорослые корявыя березы вблизи его образуютъ даже большія сплошныя заросли; то-же можно сказать и про низкорослый букъ. Пихты лишь немного не доходятъ до перевала, а около ветеринарного поста, который расположенъ ниже перевала только на 1000 футовъ, растутъ отлично; на лѣвой-же сторонѣ долины Уруштена онъ поднимаются даже футовъ на 1000 надъ постомъ и, слѣдовательно, распространяются до высоты, равной высотѣ перевала.

Когда мы проѣхали на югъ отъ перевала версты двѣ, то на гребнѣ, проходящемъ вдоль одного изъ истоковъ Пслуха, увидѣли небольшой, штука въ 7 или 8, табунокъ сернъ. Я рѣшилъ попытать счастья подкрасться къ нимъ, хотя мѣстность совсѣмъ не благопріятствовала этому: она представляла открытый чистый откосъ, среди котораго, на виду у сернъ, находились мы. Когда я добрался до подножья скалъ, гдѣ были замѣчены серны, то одна изъ нихъ, стоя на краю отвеснаго уступа, пристально смотрѣла

внизъ прямо на меня. До нея было шаговъ 300 и большая часть я туловища закрывалась зубцомъ скалы,—поэтому я не рѣшился стрѣлять по ней. Я зналъ, что къ этой сернѣ подойти уже не удастся, но думалъ, что другія, которыхъ теперь меня не видать, могутъ остатся гдѣ-нибудь на скалахъ, и потому рѣшилъ полѣзть вверхъ и тамъ поискать ихъ. Труды мои не увенчались успѣхомъ, хотя я съ большой осторожностью осмотрѣлъ всѣ скалы на протяженіи не менѣе версты. Очевидно, серны испугались настѣ и ушли. Въ это-же утро на перевалѣ мы видѣли горную индѣйку (*Tetragallus caucasicus*) съ нѣсколькими цыплятами. Послѣдніе не могли еще летать и быстро бѣжали за своей матерью вверхъ по грудамъ камней. Несмотря на близость людей, мать, очевидно, не хотѣла оставить своихъ птенцовъ и улетѣть. Мы съ удовольствiемъ смотрѣли, съ какой ловкостью крошечные птенчики вскачивали на довольно высокіе уступы. Ихъ какъ будто бы подбрасывала вверхъ какая-нибуль пружина. На перевалѣ мы видѣли много чекановъ, альпийскихъ воронъ (*Fregilus graculus*), нѣсколько бѣлоголовыхъ грифовъ (*Gyps fulvus Gm.*), сарычей (*Buteo Menetriesi*), много бѣлозобыхъ дроздовъ (*Turdus torquatus*), дроздовъ-дерябъ (*Turdus viscivorus*), синѣгирей и желтыхъ плисокъ.

Наиболѣе интереснымъ предметомъ въ окрестностяхъ перевала надо считать ледникъ Псеаихъ, находящійся въ верховьяхъ восточного истока Уруштена. Къ этому леднику я отправился послѣ осмотра прочихъ окрестностей перевала. Разстояніе отъ поста до ледника равняется верстамъ $2\frac{1}{2}$, или 3. Итти къ нему приходится почти все время открытой мѣстностью, по долинѣ довольно порядочной рѣчки, и лишь полверсты по густому лѣску, состоящему изъ однѣхъ только низкорослыхъ корявыхъ березъ, которая растутъ на каменистыхъ косогорахъ, представляющіхъ старыя морены глетчера. За лѣскомъ надо было пройти еще сажень сотню по грудамъ нагроможденныхъ другъ на друга камней прежде, чѣмъ приблизиться къ самому глетчуру. Онъ имѣеть, вѣроятно, болѣе версты въ длину, вверху болѣе или менѣе широкъ, но къ нижнему концу очень сильно суживается. Къ главной вѣтви его съ лѣвой стороны присоединяется очень короткій обрывистый фирнъ-глетчерь. Выше него съ той-же стороны находится другой фирмъ-глетчерь, но не соединяющійся съ главнымъ. Отъ него тянется къ главной вѣтви только узкая полоса снѣга. Оканчивается ледникъ на высотѣ около 6500 ф. при основаніи круто-го скалистаго уступа, причемъ только лѣвая часть главной вѣтви

сползаетъ до самого подножья уступа. Отъ этого послѣдняго тянется уже заваленный каменными глыбами склонъ, который представляетъ частично конечную морену ледника, частично простую осину.

Ледникъ лежитъ въ котловинѣ, окруженнѣй съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой (западной)—открытой. Въ лѣтнее время надъ нимъ вовсе нѣть фирна, который бы могъ питать его; поэтому глетчерь лѣтомъ, какъ сообщаютъ стражники, сильно уменьшается. По ихъ словамъ, въ самомъ началѣ лѣта широкая полоса лѣда спускается до самого подножья упомянутаго уступа, къ концу же его глетчерь сильно укорачивается. Кроме того, въ это время ледникъ на половинѣ своей длины образуетъ перерывъ, раздѣляясь на верхнюю и нижнюю части выступомъ скалы, которая раныне бываетъ скрыта подъ лѣдомъ.

Изъ глетчера вырывается съ сильнѣйшимъ шумомъ мутная рѣчка, имѣющая въ ширину сажень 2-3. Она, пригая съ камня на камень, съ страшной быстротой несется внизъ по долинѣ. Ниже глетчера находится много свѣже-обтертыхъ лѣдомъ скаль, указывающихъ на то, что даже въ недавнее время глетчерь былъ значительно длиннѣе. Съ правой (сѣверной) стороны ледника лежитъ довольно порядочное снѣжное поле, внизу переходящее въ ледникъ. Изъ него вытекаетъ рѣчка съ чистой прозрачной водою. Вблизи ледника въ березовомъ лѣсѣ я видѣлъ нѣсколькихъ черноголовыхъ соекъ и былъ удивленъ, встрѣтивъ ихъ въ такой мѣстности. Обтертый лѣдомъ скалы мнѣ попадались въ этой долинѣ не только около ледника, но и на значительномъ разстояніи отъ него! Послѣднєе указываетъ на то, что въ далекомъ прошломъ большая часть этой долины была наполнена глетчерными полями.

Я не сказалъ еще о томъ, что ветеринарный постъ, на которомъ мы остановились, занимаетъ очень живописное мѣсто-положеніе. Онъ расположено на небольшомъ возвышеніи, покрытомъ альпийскими лугами съ разбросанными по нимъ рѣдкими деревьями (пихтами и березами); почти во всѣ стороны отъ него открывается болѣе или менѣе широкая даль, на которой выступаютъ картины одна лучше другой. Съ поста виденъ ледникъ, окруженный высокими красивыми горами, нижняя часть долины Уруштена, покрытое густымъ лѣсомъ ущелье, ведущее на перевалъ, и очень высокий скалистый гребень, ограничивающій долину Уруштена съ западной стороны. На этомъ посту съ удовольствiемъ

можно прожить нѣсколько днѣй. Изъ звѣрей чаше другихъ попадаются около него туры (Capra Sewertzowi Menzb.), а затѣмъ медвѣди и серны; олени и дикие кабаны держатся ниже поста по долинѣ Уруштена.

Послѣ осмотра ледника и всѣхъ окрестностей перевала Псеаш-хо мы отправились на Красную Поляну. Отъ поста нужна было проѣхать знакомой уже намъ дорогой верстъ восемь, а затѣмъ спуститься въ долину Пузико. При самомъ началѣ спуска есть одно очень нехорошее и довольно опасное мѣсто, гдѣ приходится сводить лошадей безъ всякой тропинки съ обрывистой крутой скалы. Здѣсь, какъ сообщили мнѣ ветеринарные стражники, скатилась подъ кручу и едва не убилась одна изъ лошадей Н. А. Буша и Н. Н. Щукина; намъ-же удалось это мѣсто пройти безъ всякихъ приключений. За нимъ тропа идетъ также по довольно круто-му скалистому косогору вдоль западнаго склона хребта, отдѣляю-щаго долину Пслуха отъ верховьевъ нѣсколькихъ притоковъ Пузи-ко съ лѣвой стороны. Проходя здѣсь, мы замѣтили на скалахъ, выше тропы, въ двухъ мѣстахъ сернъ, и я съ однимъ изъ своихъ проводниковъ отправился поохотиться за ними. Пробираясь по косогору, мы вспугнули одну серну; она была очень близко, но, замѣтивъ насъ, быстро бросилась на гору. Довольно высокая тра-ва и солнце, свѣтившее мнѣ прямо въ глаза, не позволили вы-брать удобный моментъ для выстрѣла. Всѣдѣ за этой серной мы увидѣли еще одну, находившуюся выше первой; но къ ней под-красться было невозможно, такъ какъ она стояла на совершенно открытомъ косогорѣ. Пройдя шаговъ сорокъ, я замѣтилъ еще 3-4 сернъ, и одна изъ нихъ на нашихъ глазахъ заплала подъ тѣнь сосны и остановилась у самаго ствола ея. Я подкрался къ ней шаговъ на 170. Она стояла грудью ко мнѣ, представляя небольшую сравнительно цѣль. Чтобы не сдѣлать промаха при такихъ усло-віяхъ, надо было цѣлиться очень тщательно. Скрываясь за невысо-кимъ пригоркомъ, я легъ, положилъ винтовку на скалу и выстрѣлилъ. Серна тихо, какъ будто бы вовсе не задѣтая пулей и нисколько не испуганная, прошла шаговъ 20 и легла. Очевидно, она была такъ сильно ранена, что не могла бѣжать. Не показываясь серни на глаза, я прошелъ по направлению къ ней еще шаговъ 30; она лежала съ приподнятой головой, смотрѣла въ мою сторону и, какъ мнѣ казалось, замѣтила меня. Такъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея была круча, въ которую она могла скатиться при первой попыткѣ бѣжать, то я счелъ за лучшее скорѣе добить ее и пото-

му, добравшись до слѣдующаго пригорка, выстрѣлилъ въ нее во второй разъ. Послѣ этого серна скатилась подъ гору шаговъ на 10 и остановилась, зацѣпившись за камень. При осмотрѣ ея оказа-лось, что первая пуля попала ей спереди въ правую сторону гру-ди и пошла вдоль тѣла, а вторая пронизала грудь наискось, уда-ривъ вблизи предпослѣдняго ребра и выйдя на противоположной сторонѣ ея около лопатки.

Ободравъ серну и разрѣзавъ ее на части, мы спустились къ лошадямъ и затѣмъ пошли дальше, внизъ по тропѣ. Вскорѣ мы вступили въ лѣсъ, который покрываетъ гребень и склоны хребта Псекохо. Вначалѣ онъ состоитъ изъ березы, рябины и горнаго клена, на высотѣ-же около 4900 футовъ надъ ур. моря преобла-дающей породой являются въ немъ пихты. Многія изъ нихъ достигаютъ на хребтѣ Псекохо громаднѣйшихъ размѣровъ. Я нароч-но измѣрилъ нѣсколько самыхъ крупныхъ экземпляровъ, и при этомъ оказалось, что онѣ имѣютъ въ окружности до $4\frac{1}{2}$, обхватовъ, т. е. около 11 аршинъ. Такихъ гигантовъ я не видѣлъ раньше нигдѣ, кромѣ долины Загдана, находящейся въ верховьяхъ Б. Лабы. Нѣсколько ниже, почти на 4000 ф. надъ ур. м., росли каштаны. Послѣднее обстоятельство указываетъ на теплый кли-матъ южныхъ склоновъ здѣшнихъ горъ. На высотѣ $2\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ растетъ очень много черешенъ съ мелкими, но очень сладкими черными плодами. Въ этомъ году урожай на нихъ былъ такой сильный, что мы, пять человѣкъ, нагнувшись одну толстую вѣтку, могли вдоволь насытиться черешнями. Еще ниже въ лѣсу начинаются на каждомъ шагу попадаться груши, каштаны, волош-скіе орѣхи, лыча, шишкы или мушмала (*Mespilus Germanica*), ки-зиль, а также другія фруктовыя деревья и кустарники. Здѣсь же лѣсъ переплетается множествомъ ліанъ, а на полянахъ и опуш-кахъ его растутъ различныя колючія растенія. Къ первымъ принад-лежатъ обвойникъ (*Periploca Graeca*) и ломоносъ (*Clematis*), который такъ густо заплetaется деревья и кустарники, что за его листьями и бѣлыми цвѣтами совсѣмъ не видно растенія, служаще-го ему опорой. Изъ колючихъ кустарниковъ особенно замѣчательенъ *Smilax excelsa*. Онъ также вѣтвится, имѣетъ красивыя зеленыя вѣт-ви, но вооруженъ такими крѣпкими острыми и загнутыми ко-лючками, которая неосторожному человѣкѣ могутъ нанести довольно серьезныя пораненія. Не менѣе замѣчательна въ этомъ отноше-ніи и ожина (*Rubus discolor*). Она достигаетъ въ высоту болѣе сажени, имѣетъ стебли толщиною въ палецъ, довольно вкусные

плоды, но также очень большие острые и загнутые шипы. Колючее дерди-дерево (*Paliurus aculeatus*), любящее более сухия местности, мнѣ здѣсь не попадалось вовсе. Въ этихъ же лѣсахъ растетъ дубъ, грабъ, хмѣлеграбъ, нѣсколько видовъ клена, ясень, ольха, черноольха и т. д. Спускъ съ хребта Псекохо и вообще съ Псешко очень крутъ,—поэтому почти весь его мы прошли пѣшкомъ.

Пропутешествовавъ по лѣсу часа три, мы достигли р. Пузико. Дни два тому назадъ въ верховьяхъ ея прошелъ сильнѣйший дождь, послѣ котораго вода до сихъ поръ оставалась очень мутной. По берегамъ Пузико были напромождены подмытыя водой деревья съ зелеными еще листьями, карчи и груды камня, перемѣшанного съ щебнемъ и иломъ. Вода продолжала размывать ихъ и потому не могла очиститься. Несмотря на небольшую длину, не превышающую 20 верстъ, Пузико представляетъ довольно порядочную рѣчку шириной шаговъ въ 20-30. Она получаетъ начало множествомъ горныхъ потоковъ съ горы Ачишко и той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая тянется на З. отъ перевала Псешко. По берегамъ Пузико попадаются кое-гдѣ маленькия полянки; ими очень дорожатъ жители Красной Поляны, окруженней со всѣхъ сторонъ сплошными лѣсами. Пройдя вдоль Пузико версты три, мы снова очутились на берегу Мзымты. Она и теперь была чиста и прозрачна и своимъ зеленовато-голубымъ цветомъ рѣзко отличалась отъ грязнаго Пузико. Ихъ воды довольно долго текли въ общемъ руслѣ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Мы съ удовольствиемъ напились чистой свѣжей воды изъ Мзымты и поѣхали дальше. Теперь намъ оставалось всего лишь версты 6 до Красной Поляны. Растительность здѣсь стала еще богаче и разнообразнѣе, но въ то-же время появилось много сорныхъ травъ. Изъ нихъ особенно сильно распространена травянистая бузина (*Sambucus Ebulus*), заросли которой завладѣли всѣми не покрытыми лѣсомъ мѣстами по берегамъ Мзымты и отчасти проникли въ лѣса.

Послѣ семичасового пути отъ перевала Псешко мы пошли, наконецъ, на Красную Поляну, будущій городъ Романовскъ и курортъ. Расположена она на высотѣ 1730 ф. надъ ур. моря. На улицахъ ея растутъ огромные волошкіе орѣхи, черешни, груши, лыча и т. д. Всѣ они были унизаны огромнымъ количествомъ плодовъ. Окрестности Красной Поляны замѣчательны своими минеральными источниками. Кромѣ того она отличается хорошимъ климатомъ. Здѣсь не бываетъ очень жарко, благодаря освѣжаю-

щимъ горнымъ вѣтрамъ, ни очень холодно. Лихорадокъ здѣсь также нѣть. Но Красная Поляна имѣеть одинъ большой недостатокъ: она черезчуръ сильно стѣснена со всѣхъ сторонъ высокими крутыми горами. Здѣсь почти нѣть ни сѣнокосныхъ, ни пастбищныхъ мѣсть. Мы должны были заплатить 2 $\frac{1}{2}$ рубля за то, чтобы на ночь дали нашимъ лошадямъ сѣна, но и оно оказалось никуда не годнымъ, состоящимъ почти изъ однихъ папоротниковъ. Лошади его почти неѣли.

Дѣйствительный членъ Отдѣла Н. Я. Динникъ.